



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

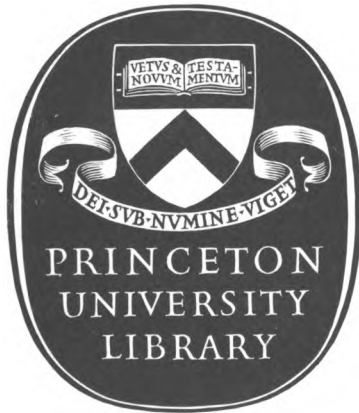
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

32101

P



КЪ РАЦИОНАЛЬНОМУ МИРОВОСВѢЩЕНІЮ.

I. A. Panaev

О ВЛІЯНІИ НАПРАВЛЕНІЯ ЗНАНІЯ
НА СОСТОЯНІЕ УМОВЪ.



Ипполита Ланаева.

Е 58.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1882

8015

.6945



СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

I и II Отдѣлы. Краткій обзоръ вопроса: *Естественно-ли*—чтобъ, на присущее человѣку стремленіе къ знанію, наука, запрошенная рационально, давала отвѣты—не удовлетворяющіе, а смущающіе вопрошающихъ?

III Отдѣлъ. О недостаткѣ логичности въ нѣкоторыхъ выведеніяхъ и утвержденіяхъ, принимаемыхъ, ходячимъ мнѣніемъ, за прочныя приобрѣтенія точной опытной науки. —Примѣры.—Возраженія и разъясненія автора.

IV Отдѣлъ. О вліяніи направленія знанія на состояніе или на настроеніе умовъ.—Замѣчаніе по поводу вопроса о свободѣ воли.

V Отдѣлъ. Разъясненія по *вопросу*, отъ того или другого взгляда на который зависить нравственный строй какъ единичнаго человѣка, такъ и всего человѣческаго Общества.

VI Отдѣлъ. Перечень главныхъ тезъ, поддерживаемыхъ, авторомъ, въ его книгахъ.

VII Отдѣлъ. Заключение.

F47429 18 Rus



I.

Картина умственного и нравственного движенія интеллигентныхъ слоевъ современныхъ намъ человѣческихъ обществъ всѣхъ странъ—можетъ ли радовать взоръ рационально мыслящаго человѣка, вставшаго въ положеніе зрителя?

Дѣйствующія лица разыгрывающейся умственной и нравственной драмы: ученые инициаторы и болѣе или менѣе вѣрно истолковывающіе ихъ послѣдователи и популяризаторы; учителя и писатели,—какъ тѣ, которые миссію свою принимаютъ серьезно, такъ и тѣ, которые, главнѣйше, заботятся о томъ, чтобы казаться сторонниками передового ученія (какого бы то ни было ученія, лишь бы оно считалось, по стеченію разныхъ причинъ, передовымъ); толпа читателей одержимыхъ такою же заботою, и, наконецъ, масса остальныхъ людей интеллигентнаго слоя, знакомящихся съ тѣмъ, что считается завоеваніемъ мысли, по газетнымъ выдержкамъ,—масса недоумѣвающая, сомнѣвающаяся, нерѣши-

тельная, не увѣренная въ себѣ,—всѣ эти интеллигенты, въ глубинѣ своей души, остаются ли удовлетворенными представляющимся имъ зрѣлищемъ умственного и нравственного движенія?

И вообще, при созерцаніи упоминаемой нами картины движенія, тотъ, кто принимаетъ участіе въ этомъ движеніи, равно какъ и тотъ, который влечется общимъ движеніемъ—чувствуютъ ли они себя довольными и удовлетворенными?

На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. Болѣе того: недовольство сказывается не только въ глубинѣ души, но выражается всѣми открыто.

Въ 1878 году, я говорилъ слѣдующее:

„Въ настоящее время, предъ лицомъ явленій самаго прискорбнаго характера,—явленій, совершающихся не у насъ однихъ, но и въ средѣ всего псевдо-цивилизованнаго міра,—всѣ приходятъ въ горестное недоумѣніе, разводять безнадежно руками, спрашиваютъ о причинахъ явленій, и сознаются въ томъ, что не видятъ средствъ къ прекращенію ихъ.

„Вмѣсто того, чтобы стараться понять причины создавшія неутѣшительныя обстоятельства, и рациональнымъ образомъ дѣйствовать къ устраненію ихъ, лепечутъ какія то общія мѣста о средствахъ къ искорененію того, чего начало происхожденія

не обслѣдовано философскимъ взглядомъ. Кажется готовы свалить всю вину на *духъ времени* будто рѣющій въ воздухѣ и заражающій человѣческую интеллигентность. Эпоха разслабленная и нравственно распущенная, считающая выше всего не душевную чистоту, а наилучшія условія комфортабельнаго для себя устройства въ чувственномъ мірѣ, начинаетъ теперь трястись предъ результатами того, что, не сознавая, создала она же сама...

„Но, что даетъ эпохѣ тонъ, или, лучше, что выражаетъ характеръ эпохи?

„Характеръ эпохѣ—даетъ взглядъ современной интеллигентности на значеніе человѣчества вообще и человѣка въ отдѣльности, и на отношенія человѣка къ природѣ. Тотъ же взглядъ устанавливаетъ и взаимныя отношенія людей въ обществѣ. Стало быть, причина того или другаго нравственнаго настроенія эпохи заключается не въ духѣ времени рѣющемъ въ воздухѣ, а въ современномъ направленіи науки...

„Вслѣдствіе, обусловленной нераціональнымъ воззрѣніемъ на значеніе человѣка, постановки точки отправленія для обсужденія взаимныхъ отношеній разныхъ лицъ, разныхъ группъ общества, и, наконецъ, разныхъ національностей и государствъ,—порождается недоумѣніе, недоразумѣніе, взаимное недоброжелательство, злорадство, ненависть,—порождается, однимъ словомъ, то, что печалитъ,

охлаждаетъ, озлобляетъ душу, — что омрачаетъ атмосферу жизни, затемняетъ солнце послѣдней. и дѣлаетъ умственное зрѣніе все болѣе и болѣе близорукимъ *).

„Когда человѣческое существо, рожденное съ зачаткомъ разума, а стало быть и съ инстинктомъ свободы въ своей глубоко-внутренней существенности, убѣждать нагляднымъ образомъ и, будто-бы, опытнымъ путемъ (путемъ разсудочнаго опыта) въ томъ, что онъ есть рабъ необходимости, игрушка вѣшней силы, неизбѣжной судьбы, то, уже съ той минуты какъ имъ принято такое убѣжденіе, онъ оказывается отравленнымъ.

„Мы не отдаемъ себѣ яснаго отчета о томъ — какой это злой червь гложетъ нашу внутренность; но мы глухо страдаемъ, чувствуемъ себя связанными, стѣсненными, придавленными, недовольными. — испытываемъ, однимъ словомъ, на себѣ, гнетущее чувство раба. А это уже дѣло извѣстное, дѣло признанное всѣми, что рабство искалѣчиваетъ всякую натуру.

„Пока свѣтъ разума не освѣтитъ для насъ

*) Смотри. «Пути къ рациональному міровоззрѣнію», Ипполита Панаева. 1880 г. Часть II (По вопросу о званіи). Приложение, стр. 276—278: Письмо къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», напечатанное, въ нихъ, 30 августа 1878 г. (№ 238).

истинный смыслъ жизни, мы инстинктивно стараемся отвлечься, убѣжать отъ нашихъ страданій, притушить ихъ остроту, устремляя все наше вниманіе на внѣшнее; но внутренній ядъ нашъ сообщителенъ: мы отравляемъ имъ, въ своихъ глазахъ, и это внѣшнее *).

„Но, когда мы къ недовольству собою или къ своему недостойнству относимся сознательно, тогда мы яснѣе видимъ то, что происходитъ внѣ насъ, справедливѣе и снисходительнѣе относимся къ дѣйствіямъ другихъ и къ ихъ личностямъ; да и все внѣшнее движеніе развертывающейся предъ нами картины получаетъ отъ насъ болѣе вѣрную оцѣнку.

„Вглядываясь въ наши собственные недостатки, выбрасывая изъ себя разный хламъ, внесенный въ насъ извнѣ, мы уясняемъ свой умственный взоръ свѣтомъ, который поднимается къ намъ на встрѣчу, изъ глубины существенности нашей природы, прямо затрогиваемой нашимъ дѣйствіемъ, нашимъ добросовѣстнымъ намѣреніемъ“, то-есть стараніемъ сколь возможно болѣе познать самого себя.

„При сіяніи этого благодѣтельнаго свѣта, согрѣваемые его благодѣтельными лучами, мы, мало

*) Смотри. «Пути къ рациональному міровоззрѣнію», 1880 г. Часть II, стр. 30.

по малу, станемъ выбираться, съ разлнѣванныхъ дорожекъ, необходимости, въ гостепрїимное поле нравственной свободы, не имѣя при себѣ другого руководителя кромѣ голоса совѣсти, который все внятнѣе и внятнѣе будетъ слышаться нами“ *).

Всѣ бѣдствія постигавшія и постигающія человечество въ полномъ его составѣ и въ отдѣльныхъ единицахъ,—всѣ бѣдствія, кромѣ тѣхъ, которыя кажутся производившимися и производящимися, во внѣшней природѣ, ея естественными силами,—произошли и происходятъ отъ нравственной неурядицы, устраиваемой самими людьми.

Устроивалась и устраивается эта неурядица отъ того, что люди, не понявъ своей роли въ развертывающемся предъ ними мірѣ человѣческихъ представленій, шли и продолжаютъ идти, въ дѣятельности вызываемой нескончаемою потребностью самодовлетворенія, не тѣми прямыми путями, какими слѣдовало идти.

Преслѣдуя *благополучіе*, люди не поняли того—

*) Смотр. «*Пути къ рациональному міровоззрѣнію*», 1880 г. Часть II, стр. 30 и 31.

въ чемъ можетъ состоять оно, — не поняли того, что благополучіе это должно быть такого рода, чтобы *возможностью* достиженія онаго не былъ и не могъ быть обойденъ ни одинъ человѣкъ — принадлежитъ ли онъ прошедшему, настоящему или будущему.

И въ самомъ дѣлѣ, независимо отъ рефлексіи, и самое простое нравственное чувство свидѣтельствуешь, что *возможностью* этою не могли и не могутъ быть обойдены: ни Семирамида, ни какой-либо простой вавилонянинъ; ни Сезострисъ, ни какой-либо селянинъ древняго Египта, или какой-либо израильянинъ лагеря Моисея; ни Неронъ, ни Сократъ, ни Данте, или какой-либо простой итальянецъ времени, на примѣръ, Медицисовъ; ни какіе-либо, прошедшаго или настоящаго времени: англичанинъ, французъ, нѣмецъ, русскій, гренландецъ, папуасъ, бушменъ; ни Кузьма, ни Карлъ, ни вы, ни я, ни вашъ внукъ, ни мой потомокъ, — однимъ словомъ, ни одинъ человѣкъ изъ когда либо появлявшихся или имѣющихъ появиться на землѣ.

Если бы эта простая истина была усвоиваема людьми своевременно, то она предохранила бы ихъ отъ множества тягостныхъ ошибокъ, происходившихъ отъ невѣрнаго пониманія того — *въ чемъ* именно состоитъ возможное для человѣка благополучіе на землѣ.

„Стремленіе человѣка къ самоудовлетворенію не имѣетъ конца въ чувственномъ мірѣ, не насыщается никогда, и переступаетъ предѣлы послѣдняго“ *); но, неослабляющееся стараніе соглашать, въ житейской дѣятельности, свои отношенія къ окружающимъ людямъ, ко всему человѣчеству вообще, и къ остальному представляющемуся ему мірозданію, съ безусловнымъ повиновеніемъ нравственному закону, — стараніе, *возможностью* котораго не обойденъ ни одинъ человѣкъ, — дѣлая дѣятельность его благотворною и полезною для другихъ, неизбѣжно долженствовала бы приводить его къ пользованію, въ теченіи земной жизни, самымъ отраднымъ состояніемъ духа. Такое состояніе духа, своимъ громаднымъ превосходствомъ надъ всякимъ радостнымъ субъективнымъ чувствомъ жизни, указывало бы, что оно, это блаженное состояніе, и есть настоящая конечная цѣль дѣятельности человѣка на землѣ.

Какъ блудящіе огоньки, переходящіе съ мѣста на мѣсто, то блистая, то исчезая, манятъ къ себѣ человѣка внѣшнія цѣли.

Преслѣдуя ихъ въ теченіи жизни, человѣкъ суетится и мучается безъ конца, потрачиваетъ свои силы, и потрачиваетъ напрасно, потому что всякая

*) Смotr. «Пути къ рациональному міровоззрѣнію», 1880 г. Часть II, стр. 43.

изъ такихъ цѣлей исчезаетъ именно тогда, когда кажется, что уже уловилъ ее.

Истинная же, конечная цѣль человѣческой дѣятельности, прирожденная свойственность человѣка, это—образование гармоническаго единства изъ всѣхъ разнообразныхъ элементовъ конституирующихъ его существо, — развитіе настоящей, дѣйствительной человѣческой личности, модель которой заложена, въ зародышѣ, въ разумѣ.

Когда человѣкъ пойметъ, что цѣль дѣятельности, на которую онъ призванъ, находится въ немъ самомъ, то онъ, конечно, увидитъ и то, что никто не можетъ помѣшать ему достигнуть ее.

Если бы человѣкъ, со времени образованія человѣческихъ обществъ, свою внѣшнюю дѣятельность относилъ бы всегда къ этой цѣли, то дѣятельность эта была бы такова, что не допустила бы, въ средѣ формировавшихся обществъ, господства нравственной неурядицы, которая внесла неисчислимыя бѣдствія во всѣ поколѣнія человѣчества, разметавъ его, по всей поверхности земли, насиліемъ, а не помѣстивъ, добровольно, въ климатахъ, въ которыхъ не свойственно жить человѣку, и раздѣливъ, чрезъ это, людей, на такъ называемыя расы.

Когда внѣшнія цѣли,—достиженіе которыхъ никогда вполнѣ не зависитъ отъ усилія человѣка,—онъ, человѣкъ, рассматриваетъ какъ конечную цѣль

людовой дѣятельности, когда въ достиженіи ихъ онъ ставитъ свое благополучіе, тогда все мѣшающее этому достиженію, а стало быть, и дѣятельность другихъ лицъ, стремящихся къ такому же невѣрному благополучію, — можетъ казаться ему враждебною. Вслѣдствіе этого порождается зависть, недоброжелательство, злорадство, непріязнь, гнѣвъ, борьба изъ-за разныхъ преимуществъ, всѣ другія недобрыя чувства, и... тогда мыслителю, который, въ корыстныхъ движеніяхъ человѣчества, хочетъ упорно видѣть непреборимую свойственность человѣка, можетъ, дѣйствительно, казаться, какъ Гоббсу (Hobbes) *), что всѣ люди находятся, естественно, въ войнѣ другъ съ другомъ.

Напротивъ, когда люди сознали бы, что ихъ конечная цѣль общая, и что, тѣмъ не менѣе, достиженіе ея, для себя, вполне зависитъ отъ каждаго отдѣльнаго человѣка (отъ самого себя), потому, что находится въ немъ самомъ, — тогда, при всемъ разнообразіи людовой дѣятельности, обусловливаемой разнообразіемъ внѣшнихъ предметовъ желаній и своеобразіемъ желающихъ, дѣятельность каждаго необходимо приняла бы характеръ не соревнованія, не борьбы за существованіе, — въ кото-

*) *Thomas Hobbes*, англійскій философъ, род. 1588 г., умеръ 1679 г.

рой многіе, одержимые научнымъ предрасудкомъ, хотятъ видѣть орудіе прогресса,—но—взаимнаго содѣйствія къ достиженію, каждымъ, *своей конечной цѣли*. Внѣшняя дѣятельность всей человѣческой общины, вызываемая стремленіемъ къ самосохраненію и къ наилучшему матеріальному устройству въ чувственномъ мірѣ, шла бы тоже успѣшнѣе; ибо дѣятельность каждаго человѣка, каждой группы, вмѣсто того, чтобы парализоваться враждебною конкуренціею другого человѣка, другой группы (конкуренціею, неизбежно являющеюся враждебною—если каждый человѣкъ, каждая группа, въ преслѣдуемой внѣшней цѣли хотятъ видѣть свое благополучіе), выигрывала бы и въ количествѣ и въ качествѣ при сознанной всѣми общей конечной цѣли, достиженію коей никто не мѣшаетъ, и которая, между тѣмъ, дѣлала бы людей, по ихъ интересамъ, солидарными. Работа всѣхъ велась бы согласнѣе, и препятствія преодолевались бы легче.

Тогда, представляющійся умственному взору, внѣшній міръ получилъ бы другую окраску и болѣе опредѣленное значеніе. Онъ являлся бы ареною съ неисчислимымъ количествомъ препятствій, на дружнѣмъ стараніи преодолевать которыя вырабатывалась бы нравственная сила человѣка, и совершался бы правильный ростъ духа. „Трудясь для своего

собственнаго счастья по указаніямъ разума, чело-
вѣкъ необходимо способствуетъ и счастью друго-
го“, — справедливо сказалъ Фридрихъ Гейнрихъ
Якоби *).

Повторяемъ еще разъ: Преобладаніе внѣшнихъ
цѣлей надъ—главною внесло, въ челоѳческія обще-
ства, ту нравственную неурядицу, результаты кото-
рой мы пожинаемъ и теперь. Отправляясь отъ по-
требности самосохраненія и самоудовлетворенія къ
открытію условій возможности наилучшаго суще-
ствованія въ чувственномъ мірѣ, люди шли не тѣми
путями, какими имъ слѣдовало идти.

„Въ смутномъ шумѣ усложнившихся между
людьми отношеній, въ которыя вмѣшались, вмѣстѣ
съ понятіемъ о собственности, своекорыстные, себя-
любивые интересы, въ борьбѣ съ природой, став-
шей, по мѣрѣ усиленія челоѳческихъ потребно-
стей, предъявлять и болѣе преградъ, челоѳкъ сдѣ-
лался не внимательнѣе къ внутреннему голосу, го-
ворившему ему: „Поступай такъ какъ ты *долженъ*
поступать, никогда не думая о послѣдствіяхъ“. Та-
кое уклоненіе отъ спасительнаго наученія отозва-
лось на расположеніи челоѳческаго духа. Чело-
вѣкъ началъ чувствовать себя недовольнымъ, и сталъ

*) См. «Разыскатели истины». Иполита Панаева. 1878 г.
Томъ II, стр. 304.

приписывать это недовольство тяжести труда, внѣшнимъ неудачамъ, противодѣйствию другихъ, но *всего меньше—самому себѣ.*

„Онъ ставилъ себѣ цѣли за цѣлями, но — цѣли преимущественно направленные къ приобрѣтенію наилучшихъ условій матеріальнаго существованія въ чувственномъ мірѣ. Достигнувъ однѣхъ цѣлей, онъ устремлялся къ другимъ; но, достигалъ ли ихъ, или не достигалъ, онъ, все-таки, чувствовалъ себя далеко неполнѣ удовлетвореннымъ. Чѣмъ болѣе давалъ онъ хода наклонностямъ, тѣмъ болѣе развивались у него требованія. Достиженіе наилучшихъ условій матеріальнаго благосостоянія начало мыслиться уже не какъ одно изъ средствъ къ достиженію мира душевнаго, внутренней гармоніи, а какъ исключительная конечная цѣль человѣческой дѣятельности. Человѣкъ сталъ привыкать давать внѣшнему болѣе значенія нежели слѣдовало въ интересахъ внутренняго самоудовлетворенія,—сталъ полагать, что можетъ черпать послѣднее исключительно въ этомъ внѣшнемъ *)“.

„Онъ (человѣкъ) уклонился отъ повиновенія разуму и продолжаетъ уклоняться, предпочитая борьбу съ внѣшнимъ міромъ и съ необходимостью, кото-

*) Смотри, «Пути къ рациональному міровоззрѣнію». 1880 г. Часть II, стр. 52, 53.

рую не может одолѣть, борьбѣ съ своею собственною чувственною стороною, съ чувственнымъ человѣкомъ въ себѣ, изъ которой всегда можетъ выдти побѣдителемъ. Уклонившись, добровольно, отъ повиновенія разуму, человѣчество несетъ на себѣ злосчастныя послѣдствія своего неповиновенія*).

„Люди дали себя побѣдить тѣмъ, что сами призваны были побѣдить“ **).

Человѣческая дѣятельность, а стало быть — и знаніе, зачалась отъ потребности самосохраненія и самоудовлетворенія. Пользовался, сначала, человѣкъ, дарами окружающей его природы, приспособляя ихъ къ своимъ необходимымъ потребностямъ, въ сыромъ, такъ-сказать, еще ихъ видѣ. Для этого приспособленія достаточно было непосредственнаго наблюденія и вниманія. Но человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что предоставляетъ ему окружающій міръ непосредственно. „Добывъ одно, онъ стремится добыть лучшее; добывъ это лучшее, онъ старается добыть еще лучшее, превосходнѣйшее, и — такъ до нескончаемости. Препятствія и преграды не останавливаютъ его; онъ старается ихъ

*) Смотри. *«Пути къ рациональному міровоззрѣнію»*. 1880 г. Часть II, стр. 73, 74.

***) Смотри. *«Пути къ рациональному міровоззрѣнію»*. 1880 г. Часть II, стр. 84.

разрушить, и, если это ему удастся, то онъ бѣжитъ къ другимъ преградамъ и препятствіямъ— для того, чтобы вступать и съ ними въ новую борьбу. Его не пугаетъ мысль, что, за этими послѣдними, стоитъ еще безчисленное количество преградъ, къ разрушенію которыхъ онъ тоже захочетъ стремиться. Неудачи только лишь возбуждаютъ въ немъ энергію, или обновляютъ его силы *).

Вслѣдствіе этого нескончаемаго стремленія, — сопровождаемаго прирожденною надеждою на успѣхъ, — стремленія выпытывать у природы ея тайны, знаніе человѣка, отъ самого элементарнаго состоянія, перешло такъ-сказать въ ремесленное, а отъ ремесленнаго—въ научное. Образовались отдѣльныя науки, отвѣчающія разнообразнымъ потребностямъ и нуждамъ человѣка, но—стимулируемыя, въ своемъ движеніи, не одними матеріальными стремленіями, но и стремленіями духовными, — потребностью познанія для общаго просвѣщенія ума, — потребностью „приобрѣтать умъные дѣлать другихъ и себя довольными“ **).

Такимъ образомъ, напимѣръ, человѣкъ, отъ

*) Смотри. *«Пути къ рациональному міровоззрѣнію»*. 1880 г. Часть II, стр. 69.

***) Смотри. *«Пути къ рациональному міровоззрѣнію»*. 1880 г. стр. 85.

прикрытія своего обнаженнаго тѣла листьями и звѣринными шкурами, переходилъ къ выдѣлыванію одежды изъ тканей, пользуясь, для этого, растеніями,—свойства которыхъ распозналъ,—шерстью животныхъ, коконами шелковичныхъ червей, и т. п. Отъ обуви, дѣлаемой изъ дерева или древесной коры, онъ перешелъ къ обуви изъ выдѣланной имъ кожи. Отъ добыванія огня чрезъ треніе одного куска дерева о другой, онъ дошелъ до полученія огня множествомъ другихъ способовъ. вмѣсто прежнихъ шалашей, онъ сталъ воздвигать роскошныя зданія. Онъ заставилъ землю, по своему произволу, давать ему именно тѣ растенія, которыя были ему нужны; покорилъ животныхъ и сдѣлалъ ихъ покорными орудіями своей воли, пользуясь ими для разныхъ работъ, служащихъ для его благосостоянія. Для этого же, онъ прорѣзывалъ лѣса, повергалъ скалы, прокапывалъ горы и прокладывалъ дороги. Ему надо было переноситься за озера, за рѣки, за моря, и онъ, наблюдая явленія движенія постороннихъ массъ въ водѣ, сталъ строить челноки, лодки, корабли, пароходы, пользуясь открытыми имъ приспособленіями къ движенію, силою вѣтра, пара,—и, на этихъ строеніяхъ, переносился изъ одного края земли въ другой.

Онъ разслѣдовывалъ свойства того, изъ чего ему казались составленными его представленія,

и пользовался, добытыми результатами, для устройства человека, въ представляющемся ему мірѣ, наиудобнѣйшимъ образомъ, соотвѣтственно степенямъ полученнаго чрезъ разслѣдованія знанія.

Когда отдѣльныя науки, разрабатываюція разныя отрасли знанія природы, идутъ правильнымъ, раціональнымъ путемъ,—тогда міръ представленій (природа) гармонически отвѣчаетъ усиліямъ человѣческаго ума.

„Представленія наши даются намъ въ элементахъ нашихъ познавательныхъ средствъ. Свойства и отношенія ихъ (представленій), нами открываемыя,—это—наши ощущенія и правила нашего разсудка, и, какъ таковыя, суть элементы нашихъ познавательныхъ способностей.

„Я вижу, осязаю или, вообще, ощущаю явленіе — согласно условіямъ своей представляющей (способной имѣть представленія) природы, и уясняю его себѣ — согласно внутреннимъ вкусамъ - характерамъ своихъ сенсовъ, и согласно законамъ своего разсудка.

„Согласіе нашихъ построеній или воспроизведеній съ непосредственными представленіями становится понятнымъ, когда мы сообразимъ, что въ эти представленія, уготованныя для человека, вложены умъ—прототипъ человѣческаго ума *)“.

*) Смотри. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію». 1880 г. Часть II, стр. 111.

Предположимъ, что я, ничего не зная о музыкѣ и о музыкальныхъ инструментахъ, случайно встрѣчаюсь съ фортепяно.

Я бросаю руку на клавиши, и, случайно тоже, дѣлаю аккордъ (ему, я, здѣсь, уподобляю представленіе въ цѣломъ); желая повторить его, я анализирую ноты, какъ отдѣльныя явленія, и, сочетывая ихъ (ноты), достигаю, наконецъ, аккорда.

Теперь я спрашиваю: законы аккорда—суть ли они—законы фортепяно, или—законы моихъ ощущеній и разсудка? Конечно, они (законы аккорда) суть—послѣднее. Фортепяно же (подобно всему міру человѣческихъ представленій, въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ элементахъ) оказывается приспособленнымъ—отвѣчать моимъ ощущеніямъ и познавательнымъ средствамъ, потому что оно устроено умомъ. однороднымъ съ моимъ умомъ.

Уподобленіемъ этимъ. я хотѣлъ рѣзче обозначить, прорѣзать такъ-сказать, въ умѣ читателя, истину необходимаго существованія гармоніи между познающимъ и познаваемымъ,—гармоніи, безъ которой мы не могли бы ориентироваться въ безчисленномъ количествѣ представленій, а потому—и поддерживать нашу жизнь.

Если бы природа не отвѣчала на указанія науки, выработанной настоящимъ рациональнымъ употребленіемъ нашихъ познавательныхъ способностей или

средствъ, то мы терялись бы такъ, какъ теряется, на примѣръ, ночная бабочка, бьющаяся о стекло зажженной лампы, и потомъ обгарающая.

Но, человѣкъ относится къ міру представленій не такъ только, какъ относится, къ своему міру представленій, животное. Въ представляющейся человѣку картинѣ, интересуютъ его не отдѣльныя представленія только, изъ которыхъ онъ могъ бы извлекать удовлетвореніе своимъ чувственнымъ потребностямъ, а интересуетъ его вся картина. Онъ хочетъ объять ее въ цѣломъ, уяснить себѣ ея полный смыслъ, опредѣлить въ ней свою роль.

Относительно этой картины и своего значенія или своей роли среди ея, онъ не довольствуется отвѣтами на вопросъ: „какъ“? Его неотвязчиво преслѣдуетъ, по поводу самыхъ дорогихъ для него интересовъ, вопросъ: „Почему“? „Для чего“?



II.

Разныя бѣдствія, постигающія челоуѣка и отъ него независящія, страданія душевныя и тѣлесныя— какъ ощущенія, ощущенія нравственнаго контроля при детерминаціяхъ къ дѣйствію, раскаяніе, мученія совѣсти, ощущенія нравственной отвѣтственности, смерть (которая даже не есть ощущеніе)— все это вызываетъ вопросы не менѣе настоятельныя, чѣмъ тѣ вопросы, которые вызываются голодомъ, жаждою, холодомъ, и другими естественными побудителями къ знанію.

Какимъ образомъ дѣйствую я, на примѣръ, по поводу послѣднихъ вопросовъ?

Мнѣ нужно опредѣленное количество хлѣба въ опредѣленной мѣстности, и я... вопрошаю науку. Наука даетъ мнѣ отвѣтъ, указывая на сообразное приготовленіе почвы, на время посѣва, на качество и количество зѣренъ, на время уборки, и проч.

Мнѣ нужно укрыться отъ холода и непогоды, и, на мои вопросы, наука наставитъ меня: какъ и

изъ чего построить жилище; какъ сдѣлать его теплымъ и предохранить отъ огня.

Мнѣ нужно перенестись изъ одного края земли въ другой, и—наука покажетъ мнѣ: какъ надо прокладывать пути; какіе, сообразно характерамъ ихъ, можно употреблять двигатели.

И тому подобное.

Если науки ведены раціональнымъ образомъ, и раціонально же вопрошаемы, то приложеніе ихъ указаній къ міру нашихъ представленій—покажетъ намъ, что міръ этотъ всегда готовъ отвѣчать указаніямъ разсудка.

Подразумѣваемая цѣль знанія—это — открытіе путей, чрезъ которые устанавливается гармонія между познающимъ и познаваемымъ,—каковая гармонія есть, въ сущности, удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ познающаго.

Если, по указаніямъ науки, я стану трудиться для полученія хлѣба, то природа не подастъ мнѣ камень.

Если, по указаніямъ науки, я буду работать надъ построеніемъ себѣ жилища изъ дерева или камня, то оно (жилище) не обратится въ пепель отъ дѣйствія солнца, и не превратится въ тѣсто отъ дождей.

Если, по указаніямъ науки, я стану строить желѣзную дорогу, то рельсы ея, отъ движенія, не расплавятся, и паровозы не сгорятъ.

И тому подобное.

Природа,—говорилъ я выше сего,—всегда отвѣтитъ удовлетвореніемъ на требованія человѣческой природы, предъявляемыя раціональнымъ образомъ.

Наука указываетъ мнѣ, напримѣръ, что, если я обожгу известковый камень, а затѣмъ, стану поливать его водой, то онъ обратится въ порошокъ.

Я беру известковый камень, поступаю съ нимъ согласно указаніямъ науки, и получаю возвѣщенный результатъ.

На чемъ наука основывала свои предсказанія? Для того, чтобы достигъ вѣрнаго предсказанія, люди науки *наблюдали, предполагали, провѣряли.*

Чѣмъ *наблюдали* и *провѣряли* они?

Своими сенсами и разсудкомъ.

Чѣмъ предполагали?

Силою индивидуальнаго ума.

Когда всѣ три процесса дѣйствованія въ познаніи шли раціонально, — природа, необходимо, должна была оправдать предсказаніе,—оправдать въ силу гармоніи, устроенной между познающимъ (ищущимъ удовлетворенія своимъ потребностямъ) и познаваемымъ (искомымъ).

Если бы этого не было, если бы не существовало этой гармоніи, то невозможна была бы не только наука, но и жизнь въ мірѣ человѣческихъ

представленій. Міръ нашъ былъ бы міромъ не чело-
вѣческихъ, а какихъ либо другихъ представленій.

Человѣкъ ищетъ органической связи разныхъ
бѣдствій, его постигающихъ и отъ человѣка неза-
висящихъ, вышеупомянутыхъ страданій—какъ стра-
даній, и ощущеній—какъ ощущеній, смерти, — со
всѣмъ мірозданіемъ, и... душа его мятется въ тщет-
ныхъ усиліяхъ открыть эту связь. Внутренній раз-
ладъ мучаетъ его, и умиротвореніе души дѣлается
самою настоятельною его потребностью.

Ему кажется, что дисгармонія происходитъ
только лишь отъ его невѣдѣнія, отъ его невѣже-
ства, и... онъ обращается къ наукѣ. Вѣдь, каса-
тельно другихъ его потребностей, наука, запро-
шенная раціональнымъ образомъ, отвѣчаетъ же ему,
просвѣщая его, удовлетвореніемъ ихъ.

Запрашиваемая и по поводу самой существен-
нѣйшей потребности человѣка, по поводу установ-
ленія равновѣсія въ душѣ его или ея умиротворе-
нія, наука, объединяющая всѣ отдѣльныя знанія и
пользующаяся послѣдними для уясненія той среды,
въ которой человѣкъ призванъ дѣйствовать, и дѣя-
тельной роли его въ этой средѣ, — если и не мо-

жетъ дать, окончательно, вполнѣ удовлетворяющаго умъ и сердце отвѣта, то (если какъ сама наука наукъ, такъ и отдѣльныя науки ведутся раціональнымъ образомъ), все-таки, съ успѣхами знанія, должна давать такіе отвѣты, которые, все болѣе и болѣе, способствовали бы успокоенію волнующейся и вопрошающей души. Успокаивающая сила этихъ отвѣтовъ, съ успѣхами знанія, должна увеличиваться, а не уменьшаться; ибо, если бы она уменьшалась, то это значило бы, что ни разумъ, ни природа не способны, ни въ принципѣ, ни на дѣлѣ, отвѣтить какою-либо степенью удовлетворенія на самую неотступнѣйшую потребность человѣка, — тогда какъ, запрошенные раціональнымъ образомъ, отвѣчаютъ, необходимо и непремѣнно, въ концѣ-концовъ, удовлетвореніемъ на всѣ другія потребности.

Такой результатъ оказывался бы нарушеніемъ общаго закона природы, — нарушеніемъ гармоніи между познающимъ и познаваемымъ, между потребностью и требуемымъ, между разъискивающимъ и искомымъ, и противорѣчилъ бы, поэтому, принятому уже давно наукою, за аксіому, *единообразію процессовъ или дѣйствованій природы.*

Если это уже законъ природы — чтобы, на затребованіе человѣкомъ хлѣба, наука указывала бы на средства добыванія, и чтобы природа отвѣчала, на указанія, хлѣбомъ, а не камнемъ; если это уже

законъ природы—чтобы, на затребованіе человѣкомъ средствъ для защиты отъ холода, наука давала бы указанія на оныя, а природа отвѣчала бы, на эти указанія, доставленіемъ тепла, а не увеличеніемъ страданій отъ холода,—то, конечно, въ законъ природы должно быть и то, чтобы, на затребованіе человѣкомъ умиротворенія души, наука указывала на элементы, не препятствующіе, а способствующіе такому умиротворенію, и чтобы общая картина природы, ея внѣшній строй, ея звѣздное небо, и нравственный законъ внутри насъ, синтезируемые разумомъ, подтверждали выводы науки.

Съ точки зрѣнія естественной науки, широко пользующейся, для подкрѣпленія своихъ системъ, аналогіями, и провозглашающей, при всякомъ случаѣ, что: „*Законы всюду одни и тѣ же* *), разсужденіе мое должно быть признано вполнѣ научнымъ.

Съ появленія человѣка на землѣ и съ устройства первыхъ человѣческихъ обществъ, знаніе, на эту неугасаемую потребность умиротворенія души, давало людямъ отвѣтъ—проведеніемъ, въ умы и въ жизнь, сообразно успѣхамъ въ отдѣльныхъ знаніяхъ, разныхъ, строиваемыхъ передовыми людьми той или другой эпохи, міровоззрѣній, въ большин-

*) Смотри. „*Антропология* Топинара“, переводъ, стр. 508.

ствѣ которыхъ, можно сказать, царствовало не малое смѣшеніе идей и понятій. Въ нихъ, въ этихъ міровоззрѣніяхъ, за одно трактовались — доступное опытному познанію и недоступное, и одними законами усиливались связывать элементы міра представлений и элементы міра *въ себя* (*monde en soi*), — усиливались связывать двѣ вещи не связуемыя такъ, на примѣръ, какъ не связуемы: красное и доброе, или красное, какъ поводъ къ ощущенію, и красное, какъ само непосредственное ощущеніе.

Благотворны и соотвѣтственны ли были такіе отвѣты на требованіе человѣческой души, человѣческаго существа — свидѣтельствуетъ исторія. Пытаемый на основаніи предположеній вызываемыхъ нерациональными наблюденіями, чувственный міръ давалъ и отвѣты не согласные съ тѣмъ, чего желали получить. Въмѣсто хлѣба, онъ, такъ-сказать, подавалъ камень.

Съ водвореніемъ, въ научномъ мірѣ, критической философіи, эти вѣчные, неотступно преслѣдующіе человѣка вопросы должны были бы третироваться инымъ образомъ.

Спрошенный, по поводу ихъ, разумъ идетъ, къ разслѣдованію, рациональнымъ путемъ, рациональною методою познанія: *наблюдать, предполагать, провѣрять*.

Прежде всего онъ *наблюдаетъ*.

Отъ созерцанія чуднаго строя небесъ, онъ обращаетъ взоръ на не менѣе изумительное зрѣлище того, внутри человѣка, въ зародышѣ—царства нравственнаго закона, къ осуществленію коего человѣку даны всѣ средства стремиться,—того совершеннаго гражданскаго общества, которое человѣку предлежитъ устроить въ себѣ, и которое онъ тщетно старается устроить внѣ себя и далеко отъ себя.

Разумъ понимаетъ, что, только устроениемъ этого гражданскаго общества, этого царствія Божія, въ себѣ, онъ могъ бы обеспечить устроение гражданскаго общества и внѣ себя, въ томъ мірѣ, который данъ ему какъ арена для его дѣятельности.

„И не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо царствіе Божіе внутри васъ“, провозгласилъ, почти тысячу девятьсотъ лѣтъ назадъ, Тотъ, который, бесконечно болѣе, чѣмъ кто-либо, съ начала міра, заботился о благополучіи и счастіи человѣка, и единичнаго, отдѣльнаго человѣка,—не выводимаго имъ, однако, изъ общества людей, а, напротивъ, въ немъ, среди другихъ людей, приглашаемаго стремиться къ осуществленію этого царствія. Разумъ констатируетъ, что эта простая истина не понята людьми до сихъ поръ.

Идя далѣе, разумъ, во главѣ условій для правильности *предположеній*, основанныхъ на наблюденіяхъ и на самонаблюденіяхъ подобныхъ тѣмъ,

какія дѣлалъ Кантъ, ставить девизомъ мудрое правило: „*Distinguo*“. На основаніи непосредственнаго опыта и всѣхъ точныхъ данныхъ, добытыхъ отдѣльными науками, онъ констатируетъ необходимое и непремѣнное существованіе, между познающимъ и познаваемымъ, совершенной гармоніи; но, различая, онъ видитъ, что вселенная, въ центрѣ которой онъ стоитъ, есть не міръ представленій только, не представленіе человѣка только, которое одно, единственно, и можетъ быть познаваемо имъ, а *ничто* безконечно большее. Затѣмъ, принимая это въ соображеніе, разумъ совершенно правозаконно долженъ признать: что онъ не можетъ имѣть притязаніе разъяснять, съ точностью опытной науки, вышеупоминаемые вопросы, потому что это было бы все равно что имѣть притязаніе разъяснять самого себя (невозможность выказывается тѣмъ, что причина, antecedentъ того, что онъ усиливался бы разъяснять, не принадлежитъ къ міру человѣческихъ представленій, которыя одни и доступны опытному познанію); что смятеніе души, ощущаемая дисгармонія можетъ быть умиротворена только соглашеніемъ, въ житейской дѣятельности, своихъ отношеній къ самому себѣ, къ окружающимъ людямъ, ко всему человѣчеству и къ природѣ—съ безусловнымъ повиновеніемъ нравственному закону, и что только такимъ образомъ соглашаемая дѣя-

тельность способна быть отвѣтомъ на насущные вопросы души, и такимъ, именно, отвѣтомъ, который одинъ лишь можетъ привести человѣка къ примиренію въ себѣ смятенія и къ довольству существованіемъ.

Разумъ предлагаетъ *проверку*. Онъ говоритъ: Какъ сенсъ осязанія провѣряетъ вѣрность гипотезы — что обожженный известковый камень выдѣляетъ теплоту, какъ сенсъ зрѣнія провѣряетъ предположеніе касательно объясненія какого либо предмета, или отношенія одного предмета къ другому предмету, къ другимъ предметамъ, — такъ сенсъ нравственной отвѣтственности, ощущеніемъ своего отраднаго состоянія, свидѣтельствуетъ о томъ, что такой отвѣтъ, на потребность душевнаго мира, проводимый въ практику жизни, есть единственный отвѣтъ, могущій быть, правозаконно, даннымъ разумомъ, и единственно согласующійся съ фактомъ нескончаемаго стремленія человѣческаго духа къ самоудовлетворенію полному.

Не такъ поступаетъ современная наука. Она, кажется забываетъ, что всякій серьезный и осторожный разыскатель долженъ строго придерживаться правила: „*различать*“. Въ лицѣ самыхъ видныхъ изъ своихъ представителей, она, вторгаясь въ область не принадлежащую опытному знанію, усиливается давать отвѣты на вопросы, касающіеся

значенія чловѣка во вселенной, чловѣка въ цѣломъ,—касающіеся его происхожденія и судьбы, трактуя эти вопросы исключительно съ точки зрѣнія опытной науки. Не замѣчая, или не желая замѣчать этого, она приходитъ къ смѣшенію идей, практиковавшемуся уже и у древнихъ, и потому, своими отвѣтами, вмѣсто умиротворенія волнующейся души, вноситъ въ нее еще бѣольшую сумятицу.

III.

Въ подтвержденіе того, что я имѣю основаніе дѣлать такое заключеніе, говоря о притязаніяхъ современной науки, привожу, ниже сего, нѣкоторыя выдержки *) изъ извѣстнаго ученаго сочиненія, а именно изъ *Антропологии* Топинара.

Въ виду моей цѣли, всего послѣдовательнѣе было мнѣ обратиться къ антропологии, такъ-какъ въ *Антропологии* Топинара, между прочимъ, говорится слѣдующее:

„Вообще эта наука (антропология) составляетъ истинный вѣнецъ академическаго поприща, и потому въ высшей степени удивительно, что она не преподается въ большинствѣ университетовъ“ (**).

На основаніи этого, я имѣю право заключить,

*) Выдержки эти сопровождаются моими замѣчаніями и возраженіями.

Прим. автора.

**) Смотр. «*Антропология*» Топинара, переводъ 1879 года, съ французскаго изданія 1877 года. Стр. 6.

что писавшій эти строки считаетъ, что изученіе антропологіи знакомитъ, изучающаго ее, съ результатами добытыми въ самыхъ высшихъ сферахъ знанія.

И, вотъ, что я читаю, въ упоминаемой книгѣ, далѣе:

1.

Медицина „преслѣдуетъ только одну цѣль предупредить и излѣчать болѣзни, тогда какъ“ антропологія „изучаетъ человѣка, его происхожденіе и отношеніе къ живому міру, не заботясь о практическихъ примѣненіяхъ“... „Изучая анатомію, медикъ изслѣдуетъ органъ въ его отношеніяхъ къ сосѣднимъ частямъ, ради потребностей хирургіи, или же изслѣдуетъ его строеніе съ цѣлью лучше познакомиться съ его нормальнымъ и болѣзненнымъ отправленіемъ; антропологъ же ищетъ только основъ для сравненія между расами или между человѣкомъ и животными“...

„Медицина ищетъ въ мозгу способъ выработки мысли и превращенія ея въ дѣятельный актъ *).

Я сомнѣваюсь, чтобы существовали, въ наше время, медики, которые разыскивали бы въ мозгу „способъ выработки мысли“, сомнѣваюсь, такъ-какъ

*) Смотри. *Антропологія* Топпара, переводъ, стр. 5 и 6.

полагаю, что такое притязаніе было бы равносильно притязаніямъ алхимиковъ, разъискивавшихъ философскій камень. Говорить такъ, какъ говоритъ г. Тоинаръ, значить предполагать мозгъ *производителемъ* мысли,—предполагать его, вмѣстѣ, и причиною *вещественною* и причиною *производящею*. Такое предположеніе, конечно, принадлежитъ къ числу гипотезъ противныхъ разуму *). Никакое опытное наблюденіе не можетъ дать такой гипотезѣ право на рационально-научное существованіе.

И въ самомъ дѣлѣ: *что* можетъ быть выдѣлено или произведено совмѣстнымъ дѣйствіемъ такихъ причинъ, стихія которыхъ есть *матерія*? Разумѣется: не что иное, какъ какая-либо матерія тоже. Доказывать же, какимъ бы то ни было путемъ, что мысль-какъ мысль можетъ быть сведена на матерію, или что матерія можетъ быть сведена на мысль-какъ мысль, врядъ ли кто либо изъ серьезно мыслящихъ рѣшится.

Констатированіе соотношеній или соответствій между формою, объемомъ, составомъ и молекулярнымъ состояніемъ мозга (*encéphale*) и проявленіями жизни въ ощущеніи, въ движеніи, въ мысли—можетъ ли уполномочивать строго и логически судящаго ученаго на выставку такого предположенія?

*) Смотр. «*Логика гипотезы*» Эрнеста Навиля, переводъ Ипполита Панаева. Часть вторая. Глава первая.

Предо мною тѣло человѣка или какая-либо часть его тѣла. Соотношенія, соответствія, констатируемыя мною между выраженіями жизни въ *движеніи* и изслѣдуемыми мною механизмомъ всего тѣла и механизмомъ какой-либо отдѣльной части тѣла, могутъ ли мнѣ дозволить разъискивать производящую причину движенія, выражающаго жизнь, въ самомъ организмѣ тѣла?

Предо мною черепная полость и вещество мозга. Соотношенія, соответствія, констатируемыя мною между выраженіями жизни, болѣе или менѣе богатою содержаніемъ, *мыслью* и объемомъ, формою, составомъ, цвѣтомъ и молекулярнымъ состояніемъ мозгового вещества, могутъ ли мнѣ дозволить разъискивать производящую причину мысли въ мозговомъ веществѣ или въ какой-либо изъ его частей?

Конечно: нѣтъ. Констатированіе таковыхъ соотношеній,—если бы оно было вполне возможно,—все-таки не могло бы уполномочивать, строго логическаго мыслителя, ни на то, чтобы разъискивать производящую причину движенія въ самомъ организмѣ тѣла, ни на то, чтобы разъискивать производящую причину мысли въ мозговомъ веществѣ.

Но и полное опытное констатированіе, само это констатированіе, никогда не сдѣлается возможнымъ;

ибо, въ тотъ моментъ, какъ вы приступаете къ полному наблюденію, къ наблюденію ансамбля, одинъ изъ рядовъ членовъ отношеній ускользаетъ изъ подъ рукъ, и исчезаетъ.

По *слыдамъ*, произведеннымъ ураганомъ на поверхности земли, если я и могу судить о его силѣ, то уже никакъ не могу заключать о его происхожденіи.

„Я полагаю,—говоритъ *Джонъ Тиндалъ* (John Tyndall), цитируемый *Тэномъ* (Taine),—я полагаю, что всѣ сильные мыслители, изучавшіе этотъ вопросъ, готовы допустить гипотезу, состоящую въ томъ: что всякій актъ сознанія,—происходитъ ли онъ въ области чувствъ (сенсовъ), въ области мысли, или въ области душевнаго движенія (émotion),—соотвѣтствуетъ нѣкоторому опредѣленному молекулярному состоянію мозга; что это отношеніе физики (физическаго) къ сознанію существуетъ неизмѣнно — такимъ образомъ, что, когда дано состояніе мозга, то изъ него (изъ этого состоянія) возможно было бы выводить мысль или соотвѣтствующее чувство, а когда даны мысль и чувство, то изъ этой мысли, или изъ этого чувства, возможно было бы выводить состояніе мозга.

„Но, какъ, какимъ образомъ, дѣлать такое выведеніе? Конечно, уже, это не есть одинъ изъ случаевъ выведеній логическихъ. Можно сказать развѣ

только то, что это есть случай эмпирической ассоціаціи....

„Если бы наша интеллигентность и наши сенсы на столько были бы усовершенствованы, на столько были бы сильны и на столько были бы просвѣтлены—чтобы позволить намъ видѣть и чувствовать молекулы мозга, ихъ самихъ; если бы мы могли слѣдить за всѣми движеніями, за всѣми группировками, за всѣми электрическими разряженіями (если таковыя существуютъ) этихъ молекулъ; если бы мы знали, совершенно хорошо, молекулярныя состоянія соотвѣтствующія тому или другому состоянію мысли или чувства,—мы, все-таки, стояли бы столько же далеко, какъ далеко стоимъ и всегда, отъ разрѣшенія проблемы. Связь между этимъ физическимъ состояніемъ и фактами сознанія—что она есть такое?.. Бездна, существующая между этими двумя классами явленій, не будетъ ли всегда для ума непереступаемою. Допустимъ, что чувство *любовь*, напимѣръ, соотвѣтствуетъ правому спиральному движенію молекулъ мозга, а чувство *ненависть*—лѣвому спиральному движенію молекулъ мозга. Допустивъ это—что знали бы мы тогда? Мы знали бы, что, когда мы *любимъ*, движеніе происходитъ въ такомъ-то направленіи, а когда мы *ненавидимъ*, движеніе происходитъ въ другомъ

направленіи; но *почему* (le pourquoi), все-таки, оставалось бы безъ отвѣта“ *).

Если бы читатель въ чемъ-нибудь и не былъ согласенъ съ Тиндалемъ, то, прочитавъ приведенныя строки, долженъ былъ бы признать, что, здѣсь, слышна рѣчь настоящаго ученаго, ученаго не забывающаго „различать“.

Для мыслящихъ людей, которымъ понятно, что *познаётъ* человѣкъ только лишь міръ своихъ человѣческихъ представленій, я постараюсь разъяснить вопросъ, пробуя другой пріемъ:

Медикъ разыскивающій въ мозгу способъ выработки мысли, конечно, говоритъ себѣ:

„Я мыслю *мозгъ*—производителемъ мысли“.

И онъ намѣревается разыскивать, въ *мозгу*, это производящее могущество.

Между тѣмъ, я полагаю, что онъ никакъ не принялъ бы такого рѣшенія, если бы придерживался строго правила „различать“, и не упустилъ бы изъ вида слѣдующихъ соображеній:

Человѣкъ можетъ познавать только лишь міръ своихъ человѣческихъ представленій, который есть

*) Смотри. «*De l'Intelligence*», par H. Taine. Paris, Hachette, 1872.

вовсе не то, что есть міръ представленій рыбы, что есть міръ представленій птицы, и т. д.

Мозгъ—это есть одинъ изъ предметовъ міра человѣческихъ представленій, и то, что мы, люди, называемъ „*мозгомъ*“, для рыбы, для птицы, для червя представляется вовсе не тѣмъ, чѣмъ представляется для насъ.

Говоря „*мозгъ*“, я разумѣю *ничто* такое, что уже получило опредѣленіе и названіе отъ человѣческой мысли, какъ одинъ изъ предметовъ міра человѣческихъ представленій. Это *ничто*, всѣ свои опредѣленія,—отъ самого элементарнаго поставившаго его (это *ничто*) какъ предметъ, до самого подробнаго, дѣлающаго его объектомъ научнаго разслѣдованія,—получило отъ человѣческой мысли. Мысль, опредѣляя это *ничто*, то-есть ставя его предметомъ въ мірѣ человѣческихъ представленій, назвала и называетъ этотъ предметъ „*мозгомъ*“.

Мысль, — стало быть, — относительно своего предмета (мозга), есть *опредѣляющее*; предметъ же этотъ (то-есть—мозгъ), относительно мысли, есть *опредѣляемое*.

По какой же,—спрашивается,—логикѣ, можетъ быть признано рациональнымъ—производить *опредѣляющее* изъ *опредѣляемаго*?

2.

Далѣе, на страницѣ 8 той же книги, мы встрѣчаемся съ мѣстомъ, гдѣ г. Топинарь, говоря объ изученіи антропологии, выражается такъ:

„Нѣтъ предмета болѣе затруднительнаго. Тутъ мы являемся сразу и судьями, и сторонами; всѣ мы, въ большей или меньшей степени, воспитаны въ духѣ извѣстныхъ опредѣленныхъ идей, такъ-сказать напитавшихъ наше мозговое вещество во время его образованія и въ періодъ, когда оно всего болѣе способно поглощать“.

Если бы ученые не забывали словъ Канта—что разбѣсканіе природы должно имѣть характеръ священный, то они не позволили бы себѣ выражаться такъ легкомысленно, ибо имѣли бы, тогда, въ виду недоумѣніе читателя, формированію котораго, главнѣйше, и должна служить наука.

Говорить, что мозговое *вещество* можетъ напитаться опредѣленными идеями, поглощать ихъ,—это, опять, не только есть безъосновательное предположеніе, но и совершеннѣйшая нелѣпость. Сказать это—будетъ все равно что утверждать, что телеграфный аппаратъ питывается смысломъ словъ, идеєю посылаемыхъ телеграммъ.

3.

„*Трансформизмъ* *) не имѣеть прямыхъ доказательствъ. Это несомнѣнно по отношенію къ человѣку. Но за то онъ подтверждается множествомъ аналогій **), и является необходимостью, такъ какъ все существуетъ такъ, „какъ будто“ дѣло совершилось со-

*) «*Трансформизмъ*» — теорія французскаго происхожденія, основанная на гипотезѣ созданной *Ламаркомъ* (Lamarck).

«Видъ, говорилъ Ламаркъ въ 1809 году, измѣняется безконечно и, взятый въ продолженіе длиннаго времени, вовсе не существуетъ. Виды переходятъ изъ одного въ другой чрезъ посредство безконечнаго числа переходовъ, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Они происходятъ путемъ превращенія или расхожденія. Восходя по степени живыхъ существъ, мы дойдемъ, такимъ образомъ, до небольшого числа первичныхъ зародышей, или монадъ, образовавшихся путемъ произвольнаго зарожденія. Человѣкъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила и является результатомъ медленнаго превращенія нѣкоторыхъ обезьянъ. Лѣстница, съ которой прежде сравнивали органическія существа, можетъ быть признана, по мнѣнію Ламарка, только для главныхъ массъ. Виды же, напротивъ, соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ концамъ вѣтвей этихъ массъ». См. «*Антропология*» *Топинара*, переводъ, стр. 503.

**) Фразы «за то подтверждается множествомъ аналогій» мы не нашли въ французскомъ изданіи, съ котораго сдѣланъ переводъ. Тамъ стоятъ, вмѣсто этой фразы, слѣдующія слова: «За то доказательства чувства обильны, какъ говорилъ Жоффрау Сент-Илеръ» («*Mais les preuves de sentiment, comme disait Geoffroy Saint-Hilaire, abondent*»).

гласно этой теоріи. Во всякомъ случаѣ, человѣкъ или произошелъ изъ ничего, посредствомъ чуда, или же онъ явился изъ того, что уже было прежде. Но какимъ путемъ это совершилось?“ (Смотр. *Антропологія Топинара, переводъ*, стр. 510).

„...духъ есть не что иное, какъ преобразование матеріи“ (Это—одна изъ гипотезъ *Трансформизма*, цитируемыхъ Эрнестомъ Навилемъ въ книгѣ его „*Логика гипотезы*“ *).

Касательно подтвержденій аналогіями, въ дѣлѣ стремящемся къ расширенію нашихъ познаній относительно человѣка *въ его цѣломъ*, замѣчу, что, въ члены аналогіи, вводятся, иногда, такіе элементы, которые ни сведены одни въ другіе, ни выведены одни изъ другихъ быть не могутъ.

Что же касается выраженій Жоффруа Сент-Илера: „*les preuves de sentiment abondent*“ (доказательства чувства обильны), то, признаюсь, что я или вовсе ихъ не понимаю, или не понимаю какимъ образомъ такіа доказательства вяжутся съ теоріею претендующею быть опытною.

Трансформизмъ,—говоритъ г. Топинаръ,—„*является необходимостью, такъ какъ все существуетъ такъ, „какъ-будто“ дѣло совершилось по этой теоріи*“.

Міръ человѣческихъ представленій доступенъ

*) Смот. «*Логика гипотезы*», Эрнеста Навиля, переводъ Ипполита Панаева. 1882 г. Часть третья. Глава IV.



познанію человѣка; самъ же познающій этому познанію не доступенъ. Въ мірѣ *моихъ* представленій *я* могу познавать *какъ* то или другое существуетъ *для меня*; про *мое* же познающее *я*, могу утверждать только то, что *оно существуетъ*.

Такъ какъ я не знаю *какъ мое я познающее, какъ* человѣкъ *въ его цѣломъ* существуетъ; такъ какъ однимъ синтезомъ, въ познаніи, невозможно связать представляемый міръ и того, кто синтезируетъ; такъ какъ отношеніе представляемаго къ представляющему не можетъ быть мыслимо на подобіе перехода отъ одного явленія къ другому явленію, или отъ одного вида къ другому виду,—то я и не могу познать какъ все, со включеніемъ человѣка въ *его цѣломъ*, существуетъ, а стало быть, на основаніи того, чего рационально познать вполнѣ не въ состояніи, не могу объясненія явленій,—сколько бы они (эти объясненія) правдоподобны ни были для міра явленій,—связать въ полную теорію касательно того, *какъ* дѣло, со включеніемъ и меня, строящаго теорію, совершалось.

Къ тому же, много имѣется примѣровъ, что, касательно объясненія одного и того же явленія, могутъ дѣлаться различныя предположенія и строиться различныя теоріи; и, случается такъ, что, для каждой теоріи, все представляется существующимъ такъ, какъ будто дѣло совершилось согласно этой

теоріи. Поэтому, для каждой из этих теорій, являлась бы необходимость считать ее истинною. Могло бы, однако, быть такъ, что ни одна из нихъ не была бы теоріею истинной. Ту только изъ теорій (при коихъ все существуетъ такъ, какъ будто дѣло совершилось согласно имъ) можно было бы признать рациональною, которая была бы выведена рациональною методою познанія, то-есть шла бы отъ точнаго наблюденія, и могла бы, или способна была бы, быть подтвержденною точной опытною провѣркой.

Въ томъ же, что касается Трансформизма, мы (не говоря уже о точкѣ отправленія: гипотезѣ *произвольнаго зарожденія*) видимъ, какъ въ наблюденіи, такъ и въ провѣркѣ гипотезъ, множество перерывовъ между констатированными фактами, множество гіатусовъ, заполняемыхъ однимъ лишь воображеніемъ.

Въ переводѣ *Антропологии* Топинара, мы читаемъ невольное, наивное признаніе въ этомъ. Говоря объ эволюціи отправляющейся тоже отъ *произвольнаго зарожденія*, воображенной извѣстнымъ профессоромъ Іенскаго университета Геккелемъ (Haeckel), переводчикъ *Антропологии* выражается такъ: „Этотъ ученый, соединяющій съ основательными познаніями *воображеніе*, способное *пополнять* всѣ пробѣлы, высказалъ слѣдующую теорію“ *).

*) См. *Антропология* Топинара, переводъ, стр. 515 и 516.

Во французскомъ изданіи не находится такого страннаго отзыва

Пополнять *всѣ* пробѣлы воображеніемъ—не принадлежитъ, кажется, наукѣ, претендующей быть *опытною*.

Г. Топпинаръ, говоря про ученіе Ламарка (трансформизмъ), выражаетъ мнѣніе, что оно (это ученіе) замѣщаетъ „сверхъестественное гипотезой естественнаго развитія и измѣненія органическихъ формъ“ *).

Правильнѣе было бы сказать, что трансформизмъ замѣщаетъ одно сверхъестественное другимъ сверхъестественнымъ; ибо, въ гипотезѣ естественнаго развитія и измѣненія органическихъ формъ, — гдѣ развитіе отправляется отъ *произвольнаго зарожденія*,—имѣется, уже въ самой ея основѣ, элементъ сверхъестественнаго.

„.... *духъ есть не что иное, какъ нѣкоторое преобразование матеріи*“ **).

Недоумѣваешь, право, какимъ образомъ можно, отъ имени науки, составлять подобныя безсодержательныя фразы!

о *воображеніи натуралиста Геккеля*. Тамъ просто сказано: «Le savant professeur de zoologie à l'université d'Iéna a imaginé l'évolution suivante. Прим. автора.

*) См. *Антропологія* Топпинара, переводъ, стр. 517.

***) Фраза одной изъ гипотезъ *Трансформизма*, цитируемыхъ въ «*Лошкнхъ гипотезы*», Эрнеста Навиля, переводъ Ипполита Панаева, 1882.

Имѣются двѣ неизвѣстныя: x (духъ) и y (матерія), и одна неизвѣстная x опредѣляется посредствомъ другой неизвѣстной y . И....такое опредѣленіе, такая дефиниція, претендуетъ быть научнымъ приобрѣтеніемъ, научною истиной!

Что вы можете утверждать о духѣ? Что вы понимаете подъ этимъ словомъ? *Принципъ жизни, жизненное начало, жизненная сила*,—вотъ что, вѣроятно, вы отвѣтите, и, вотъ все, дѣйствительно, что вы можете отвѣтить.

Но, какимъ образомъ это начало, которое одно, единственно, и даетъ вамъ возможность говорить, даже, и такую несообразность, можетъ быть преобразованиемъ *чего-то* неизвѣстнаго,—преобразованиемъ того *нѣчто*, которое, отъ упоминаемаго начала, отъ него именно, получаетъ то бытіе о преобразованіи коего толкуется? Имѣется ли,—повторяю я, —какая-либо логика въ томъ, чтобы *опредѣляющее* выводить изъ *опредѣляемаго*?

4.

„Утверждали, будто одинъ изъ отличительныхъ признаковъ человѣка составляетъ религіозность, то-есть „способность вѣрить въ нѣчто, стоящее выше человѣческаго познанія“. Не лучше ли опредѣлить ее какъ внутреннее побужденіе, заставляющее индивидуализировать неизвѣстное

и дѣлать его предметомъ обожанія. Какъ бы то ни было, но многіе изъ числа самыхъ цивилизованныхъ людей не имѣютъ ни этой вѣры, ни этого побужденія и удовлетворяются жизнью безъ заботы о томъ, чего они не понимаютъ; такіе люди не чувствуютъ ни страха, ни преклоненія, ни благодарности — этихъ трехъ пружинъ религіозности“. (См. „Антропология“, Топинара, переводъ, стр. 143).

Въ моей книгѣ „Пути къ рациональному міровоззрѣнію“, въ отдѣлѣ, гдѣ я уяснялъ себѣ — какъ первые люди должны были приходиться къ познанію, я говорилъ:

„Намѣренія и дѣйствія мыслящихъ существъ оказались состоящими подъ строгимъ контролемъ. Всякія уклоненія въ своекорыстномъ направленіи стали наказываться мучительнымъ внутреннимъ состояніемъ. Человѣкъ видѣлъ, правда, что контроль происходитъ въ немъ самомъ, что мученія и радости, ощущаемыя имъ, суть его собственные, глубоко-внутренніе элементы; но онъ увидѣлъ также, что онъ нисколько не властенъ надъ ними. Такъ какъ онъ, — по совершеніи добраго или дурнаго поступка, — радости или мученія, полученныхъ имъ по поводу совершенія того или другаго, произвольно прекратить не могъ, то онъ и сталъ заключать, что производитъ ихъ въ немъ другая, посторонняя, высшая сила, дѣйствующая на него чрезъ эти ра-

дости и мученія, чрезъ сенсъ нравственной отвѣтственности, — сила, которую онъ въ чувственной природѣ не только не могъ открыть, но не могъ и предполагать; ибо что, — въ чувственной природѣ, — могло говорить сенсу нравственной отвѣтственности, — говорить тому, что не заявляетъ себя никакимъ чувственнымъ органомъ, воспріятія, но что, однако, контролируетъ не только дѣйствія человѣка, но и его намѣренія...

„Тогда человѣкъ созналъ Бога“ *).

Я полагаю — нечего разъяснять — въ какомъ смыслѣ г. Топинаръ употребилъ слова: „страхъ“, „преклоненіе“, „благодарность“, которыхъ, — какъ онъ говоритъ, — не чувствуютъ многіе изъ числа самыхъ цивилизованныхъ людей.

Всякій цивилизованный человѣкъ долженъ понимать: что, кромѣ страха изъ боязни чего-либо посторонняго, существуетъ другой страхъ, — страхъ чувствовать и сознавать себя безчестнымъ человѣкомъ, измѣнникомъ идеалу человѣка, нескончаемое стремленіе къ осуществленію котораго заложено, въ зародышѣ, въ каждомъ человѣческомъ существѣ; что, если человѣкъ чувствуетъ *страхъ* быть измѣнникомъ, то чувствуетъ и *преклоненіе* предъ тѣмъ, относительно кого боится стать измѣнникомъ, то-

*) См. «Пути къ рациональному міровоззрѣнію», часть II, стр. 45 и 46.

есть предъ этимъ идеаломъ, олицетворяющимъ нравственный законъ, сознаваемый не какъ тяжелое иго, а какъ подвигъ.

Что касается „благодарности“, упоминая о которой, какъ объ одной изъ пружинъ религіозности, г. Топинаръ, конечно, разумѣлъ благодарность къ Творцу, то я считаю вполне раціональнымъ слѣдующее выясненіе:

Каждый цивилизованный человѣкъ понимаетъ, что благодарность къ Творцу, — помимо сердечной потребности, у большинства людей, уравнивать ею всякое радостное чувство, — должна выражаться выполненіемъ обязанностей предписываемыхъ нравственнымъ закономъ. *Требуетъ* религія только лишь сего послѣдняго выраженія. Но, вѣдь, всякій человѣкъ, а тѣмъ болѣе одинъ изъ числа самыхъ цивилизованныхъ (хотя бы онъ и удовлетворялся жизнью безъ религіи), во всякомъ случаѣ, долженъ выполнять нравственныя обязанности, какъ относительно самого себя, такъ и относительно другихъ людей. Поэтому, онъ не можетъ уйти, не можетъ уклониться и отъ чувства благодарности, которая, будучи одною изъ практикъ религіи, есть, однако, необходимая пружина не одной религіозности, а всякой цивилизаціи.

И дѣйствительно, благодарность — это одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ цивилизаціи, ко-

торая предполагаетъ, непремѣнно, общество хотя бы изъ двухъ человѣкъ, изъ двухъ гражданъ *). Во всякомъ же обществѣ, при отсутствіи благодарности между его членами, разрывается та именно связь, которая и соединяетъ людей въ общество.

Если г. Топинаръ, говоря о нѣкоторыхъ самыхъ цивилизованныхъ людяхъ—что они не чувствуютъ ни страха, ни преклоненія, ни благодарности, констатируетъ только фактъ.—фактъ прискорбный, можетъ быть, и для него самого, то нельзя не пожалѣть о той цивилизаціи, которая извратила такимъ образомъ человѣческую натуру. Замѣчу, при этомъ, только то, что подобные люди, въ теченіи жизни, поддаются, все-таки, какъ и другіе, разнымъ страхамъ и преклоненіямъ предъ тѣмъ даже, что не долженствовало бы вызывать такіа чувства (поддаются, на примѣръ, *страху* показаться стоящими ниже уровня такъ-называемаго послѣдняго слова науки, или несогласными съ политическими тенденціями кружка, къ которому тщеславятся принадлежать, и—*преклоненію* предъ авторитетомъ ученаго представителя ученія считаемаго

*) *Civilisation*, съ латинскаго *civis*, *citoyen* (гражданинъ) и *civitas*, *cité* (градъ); корень *coetus*, *reunion* (собрание; продуктъ отношеній одного человѣка къ другому человѣку). *Dictionnaire universel, par Bescherelle aîné.*

передовымъ, несмотря на то, что ученіе, можетъ быть, только лишь *считается* передовымъ); и не рѣдко бываетъ—что такіе люди, чувствуя приближеніе смерти, торопятъ посылать за кюре или за священникомъ, чего не считаютъ, совершенно необходимымъ, люди чувствующіе и страхъ, и преклоненіе, и благодарность.

Если же г. Топинаръ, въ томъ, что упоминаемые многіе изъ числа самыхъ цивилизованныхъ людей не чувствуютъ ни страха, ни преклоненія, ни благодарности, видитъ преимущество и удобство для человѣка, то мнѣ остается удивляться—какъ г. Топинаръ и его сторонники не замѣчаютъ, что такое преимущество, наоборотъ, можетъ ввергать людей въ печальное рабство своимъ склонностямъ и страстямъ, — въ рабство всего менѣе, сначала, дающее замѣчать себя, но, въ концѣ-концовъ, опутывающее человѣка и липающее его, вполне, отличія отъ животнаго. Уклоняясь отъ чувствъ страха, преклоненія и благодарности, и, въ уклоненіи этомъ, полагая обрѣсти полную независимость, человѣкъ, напротивъ, теряетъ то, что, единственно, и конституируетъ отдѣльную личность; ибо отдѣльную личность конституируетъ—преклоненіе предъ нравственнымъ закономъ, соединенное, нераздѣльно, съ чувствомъ благоговѣнія къ оному.

5.

На страницѣ 144 *Антропологии* Топинара (переводъ) мы читаемъ:

„Авторъ одного очень замѣчательнаго англійскаго сочиненія“ (*Тейлоръ*, въ своей книгѣ: *Первобытная культура*) „утверждаетъ, что нравственность, по существу своему, измѣнчива и способна къ совершенствованію, что она составляетъ отраженіе потребностей, обычаевъ и среды, такъ что то, что считается дурнымъ въ одномъ мѣстѣ, признается хорошимъ въ другомъ; въ то время какъ одни заботятся о больномъ отцѣ, другіе считаютъ долгомъ похоронить его живаго“.

Въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, въ какомъ бы низкомъ состояніи дикости оно ни находилось, имѣется, въ нравственной области, то, что называется хорошимъ, и то, что называется дурнымъ. Рѣшеніе, предполагаемое, дикимъ, согласнымъ съ волею Великаго Духа, и принимаемое вслѣдствіе повиновенія закону, импозированному, по мнѣнію дикаго, естеству человѣка, этою вышею волею, считается имъ (дикимъ) за—*хорошее*. Рѣшеніе, предполагаемое несогласнымъ съ волею Великаго Духа, считается дикимъ за—*дурное*. Стало быть, несомнѣнно, что и у дикихъ также имѣется понятіе о добрѣ и злѣ. Случается такъ, что то, что истинно просвѣщенный человѣкъ считаетъ дурнымъ, дикій

принимаетъ за хорошее. Совершая то, что просвѣщеннымъ человѣкомъ считается дурнымъ, а загрубѣлымъ хорошимъ, дикій подвигается чувствомъ—что дѣлаетъ хорошее дѣло, а это, въ сущности, означаетъ, что имѣетъ онъ намѣреніе доброе, хорошее. Слѣдовательно, въ своемъ поступкѣ,—въ томъ что касается формы послѣдняго,—дикій правъ, и дѣйствуетъ, въ этомъ отношеніи, такъ, какъ дѣйствуемъ и мы.

Просвѣщеніе его ума (наша обязанность относительно его) должно разъяснить ему содержаніе хорошаго и дурнаго. Медикъ, искренно желающій помочь больному, даетъ такое средство, которое убиваетъ послѣдняго. Означаетъ ли это, однако, что медикъ имѣетъ другое чувство-понятіе о хорошемъ какъ хорошемъ, и о дурномъ какъ дурномъ, чѣмъ вы? Нѣтъ. Означаетъ это, просто, его невѣдѣніе. Онъ, при всемъ желаніи, не смогъ или не сдумѣлъ точно изучить натуру больнаго и данное ему средство. Недостатокъ медицинскаго просвѣщенія его долженъ быть пополненъ указаніями его болѣе свѣдущихъ собратьевъ. *)

*) «Ненарушимый типъ справедливаго и добраго находится *a priori*, независимо отъ всякаго опыта, въ сердцѣ человѣка. Правда, что моралисты прошлаго вѣка хотѣли отрицать это: они ухватились, для опроверженія вышесказаннаго, за нѣкоторые жестокіе или странныя обычаи самыхъ грубѣлыхъ и наименѣе извѣстныхъ племенъ

„Мораль“, — говоритъ Тейлоръ, цитируемый въ *Антропологии* Топпинара, — „означаетъ сообразованіе съ нравами (mores) общества, къ которому принадлежитъ данное лицо. На свѣтѣ не существуетъ двухъ народовъ, нравственныя правила которыхъ были бы совершенно тождественны; каждый народъ имѣетъ свою мораль, то-есть, ту, которую освящаетъ общее мнѣніе“ *).

Опредѣленіе это страдаетъ отсутствіемъ раціональной логики.

Мораль, — какъ я ее понимаю, — это есть подчиненіе, своей духовной дѣятельности, правиламъ, раскрытымъ въ самой натурѣ нашей, свѣтомъ разума, изъ созерцанія, съ высшей ступени сознанія, *идеала человека*, — зародышъ каковаго идеала заложенъ въ каждомъ человѣческомъ существѣ.

Правила эти таковы, что стараніемъ сообразовы-

земнаго шара. Нѣкоторыя племена Америки умерщвляютъ, — какъ утверждается, — своихъ стариковъ, когда послѣдніе достигаютъ извѣстныхъ лѣтъ; другія — сажаютъ стариковъ на дерево, раскачиваютъ его, и умерщвляютъ тѣхъ изъ посаженныхъ на дерево, которые не могутъ на немъ удержаться и падаютъ на землю. Но и здѣсь, не смотря на чудовищность приложенія, кроется идея справедливости. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не удовольствоваться предоставленіемъ стариковъ, — отложивъ всякія о нихъ попеченія, — всѣмъ мукамъ голода и болѣзни? Въ основѣ этихъ поступковъ и — другихъ, имъ подобныхъ, отъкрывается въ концѣ-концовъ, все-таки, идея справедливости».

Histoire de la philosophie Allemande, par Barchou de Penhoen. 1836. Tome I. Kant. p.p. 280, 281.

*) Смотри. *Антропология* Топпинара, переводъ, стр. 145.

вать съ ними свою житейскую дѣятельность, и единственно только стараніемъ этимъ, и обусловливается настоящая человѣческая *личность*.

Всякое животное, живя въ лонѣ природы, для выполненія своего назначенія и для нормальнаго своего развитія не нуждается ни въ какихъ, такъ-сказать, гигиеническихъ правилахъ, и достигаетъ полнаго развитія безъ правилъ,

Историческая судьба человѣка никогда не будетъ извѣстна намъ вполнѣ. Человѣкъ же намъ знакомый, человѣкъ настоящаго, кажется намъ какъ бы оторваннымъ отъ лона природы. Какъ таковой, онъ (человѣкъ),— для выполненія своего назначенія, и для нормальнаго развитія своей натуры, какъ физической, такъ и духовной,—требуется, отъ свѣта разума, гигиеническихъ, такъ-сказать, правилъ, которымъ и долженъ подчиняться, какъ для поддержанія жизни, такъ и для успѣшнаго нормальнаго развитія своего существа.

[Наше время, представляющее такое множество больныхъ физически и нравственно, и такое множество нравственныхъ волонтеровъ *), въ особенноти требуетъ такого подчиненія].

*) Чувство обязанности есть *уваженіе* къ закону. Это уваженіе не можетъ переходить въ форму добровольной склонности, потому что, въ такой формѣ, оно не было бы уже чистымъ уваженіемъ, чувствомъ обязанности, моральнымъ ощущеніемъ, а было бы есте-

И, вотъ, отличіе человѣка отъ животнаго.

Животное пробѣгаетъ полный естественный кругъ своего назначенія, или, просто, выполняетъ послѣднее.

Человѣкъ долженъ разыскивать необходимыя условія при которыхъ жизнь могла бы поддерживаться, развитіе идти нормально, и назначеніе совершаться рационально.

Тѣ немногія коренныя правила для хода нормальнаго развитія духовной природы человѣка, которыя, всего яснѣе, были раскрыты, девятнадцать вѣковъ назадъ, но, при всей своей простотѣ, не поняты вполнѣ и до сихъ поръ, должны быть основами принциповъ руководящихъ человѣка въ жизни, — принциповъ, рациональный синтезъ которыхъ я и называю—*моралью*.

Поэтому, мораль не только, иногда, не сообразна съ потребностями, обычаями и нравами общества или среды, но, часто, даже, идетъ въ разрѣзъ съ ними. Всѣ реформаторы нравовъ вступали въ интеллигентную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, которое можетъ освящать обычаи и нравы только тогда, когда само основано на непремѣняе-

ственнымъ ощущеніемъ. Обязанность должна быть исполняема не изъ склонности, а изъ обязанности. Въ нравственности нѣтъ *волонтеровъ*. См. *Исторія новой философіи*, Куно Фишера, перев. Н. Н. Страхова, Томъ IV, Кантъ, стр. 145.

мыхъ основахъ самой существенности человѣческой личности, на ея необходимыхъ условіяхъ.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, населеніе Сандвичевыхъ острововъ (Гавайскій Архипелагъ) совмѣщало въ себѣ недостатки и пороки самыхъ загрубѣлыхъ народовъ. Нынѣ же, Гавайскій Архипелагъ представляетъ образованную конституціонную монархію, отличающуюся добрыми нравами и обычаями. Эти добрые нравы и обычаи, своимъ водвореніемъ, въ средѣ почти канибальской, обязаны Христіанскимъ миссіонерамъ, распространявшимъ между дикими Евангеліе и нравственныя, на немъ основанныя, правила; и нынѣшній Гавайецъ, исповѣдующій и практикующій ихъ, конечно скажетъ, что, доброю своею моралью, своими гуманными нравами, обязанъ онъ Евангелію, а не унаслѣдованію правилъ, которыя можно было бы разсматривать какъ отраженіе потребностей и обычаевъ народа, среди коего родился какъ отецъ спрашиваемаго Гавайца, такъ, можетъ быть, и онъ самъ.

Война, къ сожалѣнію, держится, до сихъ поръ, въ нравахъ и обычаяхъ даже цивилизованныхъ народовъ; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы какъ тотъ, кто предпринимаетъ ее, такъ и тотъ, кто въ ней только участвуетъ—считали ее сообразною съ истинною человѣческою нравственностью. Всякій, съ точки зрѣнія нравственности, осуждаетъ

войну, и смотреть на нее какъ на бѣдствіе, вызываемое человѣческими недостатками.

Въ обычаяхъ и нравахъ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ обществъ—допускать дома терпимости и не противодѣйствовать слишкомъ рѣзко проституціи; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы кто-либо сталъ оправдывать проституцію и считать ее дѣломъ не безнравственнымъ. Допускаютъ ее какъ слѣдствіе несовершенства общественныхъ отношеній.

Послѣ того, что сказано мною, предъ симъ, мнѣ дѣлается совершенно непонятнымъ слѣдующая фраза г. Тейлора: „Нужно ли напоминать, что и теперь, въ цивилизованной Европѣ, правила нравственности измѣняются въ случаѣ войны? *)“.

Разныя безобразія, случающіяся, и иногда допускаемыя даже, въ военное время, большею частью съ сожалѣніемъ допускающихъ, нисколько не вліяютъ на мнѣнія участвующихъ и неучаствующихъ въ войнѣ; всякій признаетъ эти безобразія—противными нравственности, и допускаетъ лишь какъ—неизбѣжныя явленія такого нераціональнаго отношенія между человѣческими существами, какъ война.

*) Смotr. «Антропологія» Топинара, переводъ, стр. 145.

„Наиболѣе общепризнанный критерій нравственности: „не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы сдѣлали тебѣ“, прилагается къ животнымъ также, какъ и къ человѣку. Собака, напримѣръ, знаетъ, что, для того чтобы не быть укушенной, она сама не должна кусаться, и поступаетъ сообразно съ этимъ. У нея, слѣдовательно, тоже есть своя мораль *)“.

Упоминаемый критерій человѣческой нравственности означаетъ просто: „Не дѣлай ничего вредящаго другому“. Для того же, чтобы нагляднѣе такъ сказать, и общнѣ охарактеризовать это вредящее, прибавлены слова: „чего не хочешь, чтобы сдѣлали тебѣ“. Приводимое г. Тейлорамъ, какъ бы мораль собаки, выраженіе: „для того, чтобы не быть укушенной, ты сама не должна кусаться“—вовсе не подходитъ, по своему смыслу, къ смыслу вышеприведеннаго критерія человѣческой нравственности.

Какъ человѣкъ не лѣзетъ въ горящій костеръ, потому что чувствуетъ, сенсами зрѣнія и осязанія, что передъ нимъ огонь, такъ точно онъ не дѣлаетъ дурнаго, чувствуя или слыша запрещеніе, исходящее изъ сенса нравственной отвѣтственности. Скажите, напримѣръ, хотя бы и слѣпорожденному, что онъ не долженъ, сегодня, ходить по комнатѣ, потому что, шумомъ шаговъ, можетъ тревожить больнаго,

*) Смotr. «Антропологія» Топинара, переводъ, стр. 145

лежащаго въ той же комнатѣ; и... слѣпорожденный поступить сообразно съ вашими словами; но поступить такъ не потому, что побоится вашего гнѣва, или гнѣва больнаго, а потому, что нравственный сенсъ его даетъ полное одобреніе вашему совѣту, и потому, что, не понимавшій васъ вовсе, когда вы говорили ему о красномъ и зеленомъ, онъ, слѣпорожденный, понялъ васъ хорошо, когда вы говорили ему о добрѣ и злѣ.

6.

„Жизнь въ обществѣ обусловливаетъ соревнованіе (émulation), составляющее самую сильную причину успѣховъ человѣчества какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ и умственномъ. Чѣмъ значительнѣе скопленіе людей, тѣмъ больше соперниковъ и сильнѣе борьба, а слѣдовательно тѣмъ быстрѣе прогрессъ“, читаемъ мы въ *Антропологии* Топинара (переводъ), стр. 142.

Правильный, рациональный прогрессъ въ жизни человѣчества могъ бы только выражаться постояннымъ увеличеніемъ, между живущими на земномъ шарѣ людьми, числа людей довольныхъ существованіемъ. Но, врядъ ли таковое число можетъ увеличиваться въ обществахъ, которыя своихъ успѣховъ ожидаютъ отъ игры соревнованія.

Что касается меня, то я полагаю, что общество, которое обуславливает соревнование, устроилось и идет не рациональным путем. В соревновании имѣется, непременно, элементъ недобраго чувства, элементъ зависти, долженствующей быть чуждою истинной цивилизаціи. Если соревнование и можетъ быть причиною временныхъ успѣховъ челоуѣчества въ мѣрѣ чувственномъ, въ борьбѣ съ внѣшнею природою, то уже, по моему мнѣнію, никакъ нельзя допустить, чтобы оно могло быть причиною успѣховъ въ мѣрѣ нравственномъ (и умственномъ, разумѣется), а слѣдовательно, — и причиною общаго успѣха, идущаго безъ перерыва, по прямой линіи.

На страницѣ 408 *Антропологии* Топинара (переводъ) мы читаемъ: „Побудительной причиною для соединенія въ общества служитъ необходимость защищаться противъ общаго врага и помогать другъ другу для перенесенія житейскихъ тягостей“.

Стараніе помогать другъ другу для перенесенія житейскихъ тягостей, оно именно, и стараніе содѣйствовать приведенію къ душевному довольству другихъ — работая надъ достиженіемъ такого же собственнаго довольства, — вотъ что должно было бы оставаться связью людей, соединившихся для общежитія.

Рационально то, чтобы челоуѣкъ, живущій въ

обществѣ, стимулировался, въ не соревнованіемъ, а желаніемъ потому и себя, довольными, чрезъ желанію, каждымъ, конечной цѣльванія, то-есть мира душевнаго стойчивой работы надъ своимъ совершенствованіемъ. Тогда, взаимно обществѣ выражалась бы не старая другъ друга, а стараніемъ достигать элементы того душевнаго блага, которое приобретаетъ, по мѣрѣ своего совершенствованія.

„Чѣмъ больше соперниковъ тѣмъ быстрее прогрессъ“.

О какомъ прогрессѣ идетъ

Въ исторіи, мы видимъ не материализма развивались вліяніемъ конкуренціи, а развивались вліяніемъ конкуренціи. Что такое цивилизаціями?

Если угасшія общества шли впередъ, то почему они остановились? Только прогрессъ, не только цивилизаціи, народности?

Мертвые останки цивилизаціи

хищаемся, неужели не убѣждаютъ насъ въ томъ, что угасшія національности,—несмотря на то, что стояли такъ высоко въ наукахъ и въ искусствахъ,—далеко не шли путемъ настоящаго, истиннаго, нравственнаго и умственнаго прогресса.

Нынѣшнее цивилизованное общество ожидаетъ общаго прогресса отъ соревнованія, провозглашаетъ его правозаконнымъ стимуломъ, и потому такъ легко и откликнулось на теорію Дарвина, которая, эпохѣ нравственно разслабленной, кажется какъ бы уполномочивающею утверждать, что борьба за существованіе или соревнованіе есть „общій міровой законъ“ *).

Съ другой стороны, я думаю, что нравы общества, основывающаго свои успѣхи на соревнованіи, дали не мало элементовъ, какъ популяризаторамъ Дарвина, такъ и самому Дарвину, для подкрѣпленія его теоріи.

Поприще истиннаго прогресса есть—самъ человекъ, какъ отдѣльное лицо; и... правильный ходъ такого прогресса, мы, въ исторіи человѣчества, можемъ констатировать лишь на немногихъ личностяхъ. Только отъ увеличенія числа таковыхъ личностей истинный прогрессъ можетъ проникать въ общества людей, сообщаться имъ, и привести къ

*) Смотр. „Антропологія Топинара“, переводъ, стр. 505.

тому, чтобы и все человечество встало, наконецъ, на тотъ путь, который ведетъ къ совершенствованію человѣческаго рода, чрезъ совершенствованіе его единицъ.

Мнѣ кажется умѣстнымъ привести, здѣсь, слѣдующія слова Гоголя: „Человѣкъ позабылъ даже— что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія, и идетъ даже назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы“.

Соревнованіе же,—вслѣдствіе не нравственнаго элемента въ немъ заключающагося,—никакъ не можетъ возвышать нравственныя силы.

„Соревнованіе есть общій законъ вселенной; оно проявляется между силами физическими, между существами двухъ царствъ; между людьми, между народами. Подъ именемъ или видомъ *борьбы за существованіе*, оно (соревнованіе) даже полезно; безъ этого на поверхности земли не замедлило бы произойти чрезмѣрное накопленіе“.
(Смотр. *L'Anthropologie*, par le Dr. Paul. Topinard, p. 536).

Для раціональнаго мыслителя, не могущаго не останавливаться съ довѣріемъ, внушаемымъ разумомъ, на мысли, что *цѣль міроваго процесса есть нравственное совершенствованіе*, и не принимающаго, на вѣру, гипотезу *произвольнаго зарожденія*,—вынуждаемую лишь необходимостью отъ чего-либо

отправиться для построения той или другой системы эволюции,—аргументъ (опирающийся даже на расчеты Мальтуса), о пользе борьбы за существование, будто бы спасающей земной шаръ отъ чрезмѣрнаго накопленія, не имѣетъ силы.

Если самой природѣ человѣка дана возможность, сообразно структурѣ, самосохраняться и самоудовлетворяться, то,—при признаніи за мировымъ процессомъ вышеупоминаемой цѣли,—внѣшній міръ или внѣшняя природа должна, на естественныя стремленія, и отвѣчать естественнымъ образомъ. Природа, пытаемая рационально наукой, несомнѣнно будетъ открывать, постоянно, новыя средства для поддержанія жизни призванныхъ къ существованію на земномъ шарѣ существъ, и такія средства, какія Мальтусъ, конечно, при своихъ расчетахъ, въ соображеніе не принималъ.

7.

Мнѣ кажется, не будетъ несправедливымъ сказать, что наука нашего времени, отуманиваемая своими материалистическими тенденціями, оказывается, иногда, и слишкомъ самонадѣянною и слишкомъ нелогичною.

Недостатокъ логики бѣтъ, порою, въ глаза

человѣку не предубѣжденному и слѣдующему внимательно за ходомъ мысли.

Возьмемъ нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ, опять, изъ перевода на русскій языкъ *Антропологии* Топинара, — нѣсколько мѣстъ, въ особенности отличающихся упоминаемыми недостатками.

Мы читаемъ:

На страницѣ 507.

„Одно изъ отличій между искусственнымъ и естественнымъ подборомъ составляетъ время, требуемое для образования превращенія. При первомъ, участіе случая устраняется вполне, дѣло идетъ быстро, но за то получаемые типы недостаточно прочны и легко возвращаются къ первоначальной формѣ; при другомъ, процессъ длится столѣтіями, а случайность вмѣшивается какъ съ цѣлью разрушить начатое, такъ и съ цѣлью его пополнить; но, за то, разъ полученные результаты оказываются болѣе прочными“.

„Случайность вмѣшивается съ цѣлью“...—что это такое?!... Какимъ образомъ могутъ быть совмѣстимы два противорѣчащія, другъ другу, термина: „случайность“ и „цѣль“? *)

*) Въ подлинникѣ, въ изданіи 1877 года, съ котораго дѣлался переводъ, фраза, насъ изумившая, выражена такъ: «...le hasard intervenant aussi bien pour détruire ce qui est commencé que pour le compléter».

На страницѣ 510.

„Заячья губа, двупалость, микроцефалія являются результатомъ колебанія принципа развитія, усиліями, дѣлаемыми имъ съ цѣлью остановиться на одной изъ пройденныхъ раньше ступеней или же идти по другимъ уже пройденнымъ прежде путемъ *)“.

„Усиліями, дѣлаемыми имъ“ (принципомъ развитія) „съ цѣлью“.—Опять удивительное совмѣщеніе терминовъ логически не совмѣстимыхъ!

На страницѣ 398.

Дѣло идетъ о способности рѣчи.

Здѣсь мы читаемъ:

„Между этими способностями, связанными съ устройствомъ мозга, прежде всего намъ представляется способность рѣчи. Лингвисты пришли въ этомъ отношеніи къ очень яснымъ выводамъ. По ихъ мнѣнію, нѣсколько языковъ, не связанныхъ другъ съ другомъ, произошли независимо; въ это отдаленное время первоначальныя расы жили, слѣдовательно, отдѣльно, въ естественномъ

*) Въ подлинникѣ, въ изданіи 1877 года, съ котораго дѣлался переводъ, замѣченная нами фраза выражена такъ: «Le bec-de-lièvre, la polydactylie, la microcéphalie sont comme des hésitations du principe d'évolution, comme des efforts de sa part à s'arrêter aux points où il en était resté dans des formes antérieures, où à marcher dans d'autres directions précédemment suivies».

состояніи. Предшествовалъ ли тогда случай образованію небольшого числа членораздѣльныхъ звуковъ, сдѣлавшихся исходною точкой равнаго числа коренныхъ словъ, или же предварительно измѣнился мозгъ съ цѣлью сдѣлать возможнымъ такое образованіе?“

Спрашивается: *кто* президировалъ въ предпріятіи измѣнить мозгъ „*съ цѣлью сдѣлать возможнымъ такое образованіе*“?

Читатель, — надѣюсь, — согласится, что выражаться такъ необдуманно, въ наукѣ относимой къ разряду наукъ точныхъ и опытныхъ, — по малой мѣрѣ, недозволительно.

На страницахъ 499 и 500:

„Образовалось два теченія, приведшихъ къ двумъ различнымъ ученіямъ о происхожденіи человѣка: одно моногеническое, утверждающее, что всѣ человѣческія расы произошли отъ одного источника и были произведены вліяніемъ внѣшнихъ условій въ короткій періодъ, протекшій отъ сотворенія міра по библейскому сказанію; другое ученіе — полигеническое, доказывающее, что этотъ промежутокъ времени слишкомъ коротокъ, что, при существующихъ условіяхъ и предъ нашими глазами, типы постоянны, и, слѣдовательно, ихъ и въ прошедшемъ уже должно было быть нѣсколько“.

„Но теперь вопросъ поставленъ иначе; теперь идетъ рѣчь уже не объ опредѣленномъ количествѣ лѣтъ, но о

несчетномъ числѣ вѣковъ, и то, что оказалось невѣрнымъ при первомъ предположеніи можетъ оказаться истиннымъ при второмъ. Теперь слѣдуетъ изучать вопросъ о происхожденіи человѣка при помощи телескопа“.

Притязаніе изучать происхожденіе человѣка при такихъ условіяхъ не можетъ не казаться уже слишкомъ смѣлымъ и преувеличеннымъ, когда мы знаемъ, что наука оказалась безсильною прослѣдить, даже и во времена историческія, въ полной точности, исторію или какой-либо одной народности, или какого-либо одного города, исчезнувшаго государства, — безсильною прослѣдить это, отправляясь, даже, хотя бы отъ апогейной точки развитія такой угасшей народности или процвѣтанія такого города, котораго, нынѣ, мы видимъ однѣ лишь нѣмыя развалины, иногда откапываемыя изъ земли.

Изъ главныхъ существующихъ ученій о происхожденіи человѣка, мы не касаемся ученій Катрфажа (de Quatrefages) и Агассі (Agassiz), признающихъ вмѣшательство верховной воли; но, относительно ученія Ламарка и теоріи эволюціи Геккеля, не можемъ не обратить вниманія, что, въ нихъ, развитіе отправляется отъ *произвольнаго зарожденія*.

Не странно ли, вообще, что тѣ самые ученые, которые никакъ не могутъ допустить *произвольнаго зарожденія мысли* въ человѣкѣ, ведутъ свои теоріи эволюціи, отправляясь отъ произвольнаго зарожденія

изъ матеріи. (Первичные зародыши или монады образовавшіеся *путемъ произвольнаго зарожденія* — у Ламарка, сообразившаго теорію трансформизма *); монеры, образовавшіяся *путемъ произвольнаго зарожденія*, въ теоріи эволюціи Геккеля,—эволюціи, въ которой онъ насчитываетъ 22 ступени превращенія **).


Мое мнѣніе таково, что наука, прежде, чѣмъ пускаться, такъ-сказать, въ обращеніе свои заключенія касательно кровныхъ, для человѣка, вопросовъ, должна быть вполне увѣрена въ истинности публикуемаго, и не упускать изъ вида заботу о томъ—какое дѣйствіе производятъ ея слова и утвержденія на умы людей; ибо, въ концѣ-концовъ, не человѣкъ существуетъ для науки, а наука существуетъ для человѣка.

Но пусть наука безстрастна. Во всякомъ случаѣ, выдавая свои пріобрѣтенія за истину, она должна: обосновывать ихъ вполне рационально; стараться излагать дѣло сколь возможно яснѣе, и быть крайне осторожною въ своихъ выраженіяхъ.

*) См. *Антропология* Топинара, переводъ, стр. 503.

**) См. *Антропология* Топинара, переводъ, стр. 516.

Она обязана строго наблюдать все это, потому что неясныя изложенія и необдуманныя выраженія могутъ вводить въ заблужденія и смущать не твердые и молодые умы, готовые увлекаться всѣмъ новымъ и оригинальнымъ, и искать, въ наукѣ, подкрѣпленія своимъ незрѣлымъ фантазіямъ.



IV.

Такое незаботливое отношеніе къ внутреннему міру людей есть одна изъ главныхъ причинъ золь, постигавшихъ и постигающихъ человѣчество. Я выразилъ это, въ 1878 году *), и повторять то же самое въ моей книгѣ „*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*“ (Часть II),—написавъ, даже и эпиграфомъ, помѣщеннымъ на заглавномъ листѣ книги, слѣдующія слова:

„Отъ ученыхъ, то-есть отъ *направленія*, которое они даютъ движенію знанія, зависитъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, состояніе умовъ въ человѣческихъ обществахъ **).“

То же самое проводилъ я въ моей брошюрѣ „*Nosce te ipsum*“, въ 1881 году.

Мнѣ, конечно, возразятъ, что взглядъ мой ошибоченъ, потому что разработка вопросовъ высшей

*) Смотр. стран. 2, 3, 4 этой, нынѣ, предлагаемой книги.

**) Смотр. «*Пути къ раціональному міровоззрѣнію*», 1880 г., Ипполита Панаева.

науки составляетъ достояніе академій, институтовъ, или, однимъ словомъ, высшихъ ученыхъ сферъ, и— что интересуется, такими вопросами, только, такъ-называемый, ученый міръ, который очень не обширенъ.

Возраженіе это, я считаю совершенно неосновательнымъ.

Ученый, сообразившій гипотезу и болѣе или менѣе рационально ее провѣрившій, публикуя свою работу, можетъ быть и имѣетъ въ виду, сначала, только лишь ученыхъ, отъ которыхъ ожидаетъ критической оцѣнки своего труда, способствующей дальнѣйшему развитію идеи. Но, лишь только что-либо новое, отмѣченное авторитетнымъ въ наукѣ именемъ, выходитъ въ свѣтъ, и, уже тотчасъ, появляются разные истолкователи, выводители и популяризаторы, болѣею частью мало заботящіеся о степени точности гипотезы и о томъ—какое вліяніе можетъ она имѣть на умы. Нерѣдко бываетъ и такъ, что изданіе книгъ, касающихся новаго ученія, предпринимается, усердными популяризаторами, исключительно съ промышленною, лукративною цѣлью, или съ цѣлью составить себѣ ученую карьеру,—о чемъ говоритъ и г. Эрнестъ Навиль, въ своей книгѣ „*Логика Гипотезы*“ *).

Распространяя новое ученіе, которое, можетъ

*) Смотри. «*Логика Гипотезы*», Эрнеста Навиля, (переводъ Ипполита Панаева), 1882 г. Часть II, Глава II, стр. 127.

быть, и сами инициаторы не считают на столько оконченнымъ, чтобы быть преподаваемымъ, — преподающие, профессора, учителя, писатели, подвигаются, часто, желаніемъ *казаться* стоящими не ниже уровня того, что они называютъ — послѣднимъ словомъ науки.

Часто то, что всесторонне не обследовано еще ученою рациональною критикой, является, въ самыхъ выдающихся и способныхъ производить эффектъ чертахъ, предъ молодыми умами, готовыми болѣе на увлеченіе, чѣмъ на методическую и усидчивую критику. Молодой человѣкъ, слегка ознакомившись, изъ книги или въ школѣ, съ тѣмъ *чего* не знаютъ ни его домашніе, ни вообще люди, въ средѣ которыхъ онъ живетъ внѣ школы, и *что* должно приводить ихъ въ изумленіе и недоумѣніе, начинаетъ смотрѣть на нихъ свысока — какъ на несвѣдущихъ или отсталыхъ. Желать *казаться* стоящимъ выше обыденнаго уровня общества, и мыслящимъ не одинаково съ нимъ — это болѣзнь всякаго полуобразования.

Весьма часто такіе люди не въ состояніи поддерживать своихъ, такъ-называемыхъ передовыхъ убѣжденій; и, тогда, чтобы заявить свое умственное превосходство надъ обыденною средой, они ограничиваются, при выраженіи другими мнѣній (которыя у нихъ принято считать отсталыми потому только,

что они не новыя, а прежнія), полу-сострадательными, полу-насмѣшливыми улыбками, и пожиманіями плечей. Усмѣхаются, почти всегда, только тѣ, которые прочли лишь азбуку науки. Между усмѣхающимися же, обыкновенно, выходитъ такъ, какъ объ этомъ говорилъ Фихте. Тотъ, кто предполагаетъ, усмѣхающагося, считающимъ себя въ правѣ усмѣхаться, полагаетъ, что нельзя и ему (собесѣднику усмѣхающагося) не усмѣхнуться, потому что, иначе, его могутъ посчитать отсталымъ въ наукѣ. Вслѣдъ за нимъ, начинаютъ усмѣхаться и другіе для компаніи, желая *казаться* не менѣе первыхъ развитыми и передовыми.

Если, между такими людьми, появится господинъ, нахватавшійся, на-скоро, разныхъ псевдонаучныхъ новинокъ, и могущій, отправляясь отъ нихъ, разглагольствовать, пересыпая свою рѣчь необычными и необычно смѣлыми и рѣзкими фразами, то около него группируется фаланга усмѣхающихся и считающихъ отсталостью—не быть солидарными съ наиболѣе смѣлымъ и наименѣе стѣсняющимся, критикуемою обстановкой, человекомъ.

Изъ этихъ людей, сначала только лишь усмѣхающихся, а затѣмъ, мало по малу, выучивающихся говорить по шаблону рѣчи псевдо-передоваго человека, являются сотни и тысячи критикановъ, пересуживающихъ, вкривь и вкось, не только отдѣль-

ныхъ людей, но всѣ возможныя учрежденія и порядки: учебныя, административныя, политическія. Ничего изъ этого серьёзно не узнавъ и не изучивъ, критиканы эти скрываютъ свое незнаніе и свое невѣжество подъ формою или видомъ недоговорокъ и ряда точекъ, располагаемыхъ такъ, что слушатель или читатель, въ этихъ недоговоркахъ и точкахъ, непременно подозреваетъ всю *суть* знанія и глубоко-мыслиа говорящаго или пишущаго.

Вѣроятно, отсталымъ и предразсудочнымъ кажется, критиканамъ этимъ, правило, состоящее въ томъ, что, прежде нежели позволять себѣ право суда надъ обстоятельствами и людьми, прежде нежели рѣшиться произнести священное слово поученія, каждый долженъ произвести, самому себѣ, самый строгій нравственный экзамень *).

А между тѣмъ, это правило, во всей его строгости, задумалъ практиковать великій Русскій писатель,—да и главнѣйше по этому великій писатель,—Гоголь. Обладая громаднымъ талантомъ и сознавъ его, онъ понялъ, что все, исходящее отъ него какъ отъ писателя, должно отразится на нравственномъ формированіи цѣлаго ряда людей. Вслѣдствіе этого, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ис-

*) См. «Разгискатели истины», Томъ II, Послѣсловіе. 1878 г. Ипполита Панаева.

ходящее отъ него должно быть таково, чтобы могло дѣйствительно служить облагороживанію людей.

Но, для того, чтобы произведенія мои, — думалъ Гоголь, — могли стоять на одной высотѣ съ ихъ священной цѣлью, — надо мнѣ самому сдѣлаться однимъ изъ наилучшихъ людей своего времени, — сдѣлаться человѣкомъ представляющимъ, своими нравственными качествами, наивысшую степень достигнутаго человѣчествомъ нравственнаго развитія.

Сдѣлать себя такимъ человѣкомъ, прежде чѣмъ поучать своими произведеніями, и предпринялъ Гоголь, Онъ сковалъ, на время, свой талантъ, обуздалъ славолубіе, и сталъ заботиться только лишь о совершенствованіи себя. Предпріятіе, по своей рациональности и по своей честности, по истинѣ, великое! Гоголя не поняли, и забросали камнями. Оскорбляемый и унижаемый интеллигенціею (въ лицѣ литераторовъ) отъ него отвернувшейся, слабый физически, онъ не отступилъ, однако, отъ своего предпріятія, но впалъ въ преувеличенный мистицизмъ, дошедшій до аскетизма, Все-таки, до послѣдней минуты жизни, онъ остался вѣренъ своему святому намѣренію, и, сознавая себя недостижимъ еще того нравственнаго состоянія, которое дозволяло бы ему быть такимъ критикомъ, какимъ онъ понималъ *критика*, Гоголь заключилъ жизнь актомъ неслыханнаго самоотверженія: онъ сжегъ

свою рукопись, которая, можетъ быть, была наилучшимъ изъ его произведеній.

Мы сожалѣемъ объ этой потерѣ, и не можемъ не сожалѣть. Но вспомнимъ, что и уже одинъ, преподанный Гоголемъ, примѣръ, засвидѣтельствоваанный, къ тому же, тяжкою борьбой, страданіями, и, почти, мученическою смертью, долженъ, въ концѣ-концовъ, не сегодня такъ завтра, принести пользу не малую, и принести ее не одному русскому, но и всему человѣческому обществу. Не *рычани* только наставляемъ мы другихъ, но наставляемъ ихъ, главнѣйше, нашимъ *примѣромъ*. Сила примѣра зависитъ отъ нашего поведенія въ обществѣ *).

Совсѣмъ уже другого явленія мы были свидѣтелями, въ нашемъ отечествѣ, послѣ Гоголя.

Съ шестидесятихъ годовъ, настоящаго столѣтія, въ литературѣ нашей,—и въ особенности въ литературѣ съ претензією казаться научною,—завелась непривлекательная манера,—въ разсужденіяхъ, ка-

*) Смотри. «*Разыскателю истины*», Томъ II. Стр. 112—116, въ статьѣ: О предназначеніи ученаго и литератора, Фихте.

Сама *Антропология*, въ лицѣ Г. Топинара, высказываетъ мнѣніе, съ которымъ нельзя не согласиться. На страницѣ 397 перевода упоминаемой *Антропологии*, мы читаемъ:

«Достаточно не только племени побѣдителей, но иногда одного человѣка, случайно получившаго вліяніе, чтобы видоизмѣнить нравы и характеръ на столько, чтобы они, менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе, сдѣлались неузнаваемы».

сающихся научных вопросов, равно какъ и вопросовъ, во всѣ времена признававшихся священными передовыми людьми эпохи, и въ отзывахъ о трудахъ знаменитыхъ дѣятелей прежнихъ временъ и настоящаго времени, и вообще объ установившихся авторитетахъ,—вести рѣчь (иногда, можетъ быть, и остроумную) тономъ такого явнаго, обиднаго и язвительнаго пренебреженія, какъ будто дѣло идетъ о совершенѣйшихъ пустякахъ, напримѣръ, какъ бы о кислыхъ щахъ или о квашенной капустѣ.

Такая манера,—можетъ быть и удобная для практикующихъ ее, какъ нѣкотораго рода заявленіе о своей компетентности по всѣмъ возможнымъ вопросамъ, и о томъ, что, для ихъ ума, не имѣется ничего ему импозитрующаго,—независимо отъ своей крайней непривлекательности, принесла не мало вреда развивающемуся обществу.

Высокомѣрное и пренебрежительное третированіе серьезныхъ вопросовъ и серьезныхъ дѣятелей—казалось, не установившимся и еще формирующимся умамъ, свидѣтельствомъ глубокаго и оригинальнаго ума и громаднаго запаса разнообразныхъ познаній,

Пагубная страсть *казаться* взяла свою силу. Практикуя въ мысли легкое и пренебрежительное отношеніе къ тому, что такимъ образомъ трактовалось инициаторами циническаго отношенія къ

серьезнымъ вопросамъ, къ серьезнымъ людямъ, а иногда, даже, и къ значенію вообще человѣка,— недоучившійся и не дозрѣвшій, настоящимъ образомъ, юноша мнилъ *казаться*, не менѣе упоминаемыхъ инициаторовъ, опередившимъ другихъ людей; привычка же желать *казаться* дѣлала то, что онъ, наконецъ, начиналъ думать, что и въ дѣйствительности опередилъ другихъ, и что, поэтому, для него, въ обыденной средѣ, въ настоящемъ, не имѣется серьезной, подходящей его развитію, дѣятельности.

Вслѣдствіе этого, въ своей реальной дѣятельности, которую считалъ только лишь жалкою необходимостью, возмечтавшій о своемъ высокомъ развитіи юноша, или, вообще, человѣкъ, оказывался: неуважительнымъ къ своимъ обще-человѣческимъ обязанностямъ, невнимательнымъ къ Принимаемымъ на себя обязательствамъ, не заботливымъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ, исполняющимъ свои служебныя обязанности — что называется — спустя рукава; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, претендующимъ на вознагражденіе, по размѣру, далеко не соответственное какъ его физическому, такъ и умственному труду.

Такіе люди,—какъ сами инициаторы, такъ и ихъ адепты,—заявляютъ уже, конечно, при всякомъ случаѣ, пессимистическое воззрѣніе на міръ. Не мѣшало бы имъ припомнить слова *Гизо*:

„Пессимизмъ не пригоденъ ни къ чему. Это— доктрина тѣхъ, которые находятъ все *дурнымъ*, потому что самихъ себя, постоянно, видятъ *en beau* *).

Во особенноти, къ сожалѣнiю, быстро идетъ популяризація такихъ ученiй, которыя возбуждаютъ праздное любопытство, кажутся оправдывающими научные предразсудки, и льстятъ слабостямъ и эгоистическимъ наклонностямъ человѣка, объясняя ихъ успокоивающимъ для него образомъ.

Имѣется, напримѣръ, основанiе полагать, что матеріальный интересъ былъ не безъ влiянiя, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, на умы нѣкоторыхъ ученыхъ защитниковъ гипотезы существеннаго и примитивнаго различiя разныхъ человѣческихъ расъ **).

Довольно вспомнить о научныхъ идеяхъ: произ-

*) «Le pessimisme n'est bon à rien; c'est la doctrine de ceux qui trouvent tout mal, parce qu'ils se voient eux-mêmes, toujours, en beau».

***) Смт. «*Логика гипотезы*», Эрнеста Навиля, переводъ Ипполита Панаева. 1882 г. Часть вторая, Глава вторая.

вольнаго зарожденія и произвольной измѣнчивости; происхожденія человѣка, путемъ эволюціи, изъ низшихъ организмовъ; борьбы за существованіе; не свободы воли (а стало быть, и—невмѣняемости); относительности долга какъ долга,—объ идеяхъ, получившихъ, въ наше время, громадное распространеніе. Имѣть опору въ наукѣ, для оправданія себя въ своихъ мысляхъ и поступкахъ, кажется многимъ интеллигентамъ весьма удобнымъ.

Какое, напримѣръ, богатое подспорье, адвокатамъ, въ ихъ защитительныхъ рѣчахъ, доставляетъ доктрина невмѣняемости будто бы научно доказанная.

Какую убаюкивающую силу имѣетъ доктрина *относительности* долга для лицъ или пугающихся *долга какъ долга*, или живущихъ, въ томъ, что касается ихъ человѣческихъ и служебныхъ обязанностей, что—называется, *спустя рукава*.

Доктрина же *борьбы за существованіе* оказывается, къ тому же, удобною для двухъ противоположныхъ лагерей:

1) Осчастливленными происхожденіемъ отъ скрещиванія высоко-развитыхъ родовъ она даетъ опору глядѣть, съ высокоуміемъ и съ презрительнымъ сожалѣніемъ, на измелчаніе и на исчезновеніе другихъ родовъ не насчитывающихъ, въ своей генеалогіи, такихъ высоко-породистыхъ скрещиваній.



Одинъ изъ редакторовъ французскаго журнала *Revue de l'instruction publique*, 7 марта 1867 года, пишетъ:

„Жалуются на жестокости, совершаемыя, мореплавателями, относительно дикарей. Но, кто же можетъ сожалѣть объ изчезновеніи подобныхъ образчиковъ челоуѣчества! Остережемся—чтобы не увлечься ложнымъ состраданіемъ и дѣтскимъ братолюбіемъ *)“.

15 октября, 1860 года, одинъ извѣстный литераторъ поучалъ читателей журнала „*Revue des Deux Mondes*“, что „можно только желать тихой смерти дикимъ расамъ, этимъ жалкимъ останкамъ младенчествующаго міра“, и—что нужно „оставить этихъ послѣднихъ дѣтей природы угасать на груди ихъ матери“, не прерывая „ихъ плясокъ при свѣтѣ луны и пріятнаго опьяненія на одинъ часъ **)“.

Одинъ житель *Мельбурна*, въ Австраліи, писалъ о Папуасахъ:

„Мы, привыкшіе видѣть ихъ—таскающимися по нашимъ улицамъ и едва прикрываемыхъ ужасными лохмотьями, — видѣть ихъ скорѣе похожими на обезьянъ, нежели на людей, и, чаще всего, въ совершенномъ состояніи опьяненія, — разсматриваемъ ихъ

*) Смот. «*Le Christ*». Sept discours, par Ernest Naville, 1878 p. 219. Эта книга переведена на Русскій языкъ въ «Православномъ обозрѣніи», въ Москвѣ, въ 1880 году, и потомъ, тамъ же, издана особою книгой.

**) Смот. «*Le Christ*», par Ernest Naville, p. 220.

(Папуасовъ), какъ созданія совершенно падшія, немѣющія болѣе ничего общаго съ нами, и о цивилизаціи которыхъ невозможно и помышлять *)“.

Такія мнѣнія выражали интеллигентные люди, подъ вліяніемъ мнѣнія, провозглашаемаго учеными, что дикія, не цивилизованныя расы, считаемыя ими (учеными) низшими, уничтожаются дѣйствіемъ закона природы, котораго ничто не можетъ превозмочь **). Ученый или научный предрассудокъ этотъ успокаиваетъ интеллигента, не только не двигающаго пальцемъ на пользу дикаря, но, наоборотъ, изъ него же старающагося извлечь для себя пользу.

И что-же? То, что провозглашалось учеными невозможнымъ, совершилось:

„Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ Папуасовъ, скорѣе похожихъ на обезьянъ, чѣмъ на людей, образуютъ, теперь, селенія—гдѣ почитается трудъ; гдѣ

*) См. «*Le Christ*», par Ernest Naville (1878), p. 220.

***) Въ *Антропологии* Топпинара, (переводъ), мы читаемъ:

«Въ нынѣшнее время низшія расы исчезаютъ, между тѣмъ какъ высшія все болѣе распространяются; какъ бы мы ни объясняли этого, тѣмъ не менѣе, противъ самого факта, бороться невозможно». *Стран. 427.*

«Легко предвидѣть время, когда расы, уменьшающія, нынѣ, промежутокъ между бѣлымъ человѣкомъ и обезьянами, совершенно исчезнутъ. Въ этомъ процессѣ нѣтъ ничего таинственнаго, и механизмъ его вполне естественъ. Результатомъ, въ концѣ-концовъ, должно быть переживаніе болѣе способныхъ, въ пользу высшихъ расъ». *Стран. 511.*

жители чисто одѣты, скромны въ своихъ нравахъ; гдѣ дѣти посѣщаютъ хорошія школы, и населеніе, быстро исчезавшее, разростается замѣтнымъ образомъ.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ, на эти не обыкновенные факты было указано миссіонерами, которые были ихъ пособниками. „Иллюзіи!“, говорили, тогда многіе. Нѣтъ, не иллюзіи. Свѣдѣнія оказались точными и были вполнѣ подтверждены. На всемірной выставкѣ, въ Вѣнѣ, Папуасы получили почетную медаль за приготовленіе аррарута. Еще болѣе знаменательно то, что школы черныхъ дѣтей, на станціи Рамагьюкъ (Ramaïyuk), были отнесены, правительственными инспекторами, къ высшему разряду школъ колоніи. Нынѣ, политическіе журналы Австраліи говорятъ объ этихъ цивилизованныхъ Папуасахъ, и туристы посѣщаютъ ихъ селенія. Таковы результаты продолжительнаго и геройскаго терпѣнія Моравскихъ братьевъ. Они не переставали надѣяться, тогда какъ всякая надежда казалась невозможною, и, теперь... собираютъ плоды своихъ дѣяній *)“.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, жители Сандвичевыхъ острововъ были самыми ужасными дикарями. Теперь же, Гавайскій Архипелагъ представляетъ конститу-

*) Смол. «*Le Christ*», par Ernest Naville. 1878. p.p. 220, 221.

ціонную монархію, не уступающую, въ своемъ развитіи, государствамъ Европы. Нынѣ, въ 1881 году, король Гавайскаго Архипелага путешествуетъ по Европѣ.

Благое дѣло было совершено Христіанскими миссіонерами, и, въ особенности, Моравскими братьями. Сторонники же естественнаго закона, будто бы, исчезновенія низшихъ расъ, спаивали дикихъ ромомъ и водкой, чѣмъ, конечно, и могли способствовать къ подтвержденію излюбленнаго ими закона.

Приведенные мною несомнительные факты еще болѣе утверждаютъ меня въ мнѣніи, что и одинъ человѣкъ, сознающій свое человѣческое достоинство, а потому и истинно любящій, въ людяхъ, *человѣка*, можетъ тою любовью, которая заповѣдана Евангеліемъ, поднять, до своего уровня, цѣлое племя загрубѣлыхъ физически и нравственно дикарей (будь они Папуасы или, даже, Бушмены), и быть причиною перерожденія, даже физическаго естества племени, изъ отвращающей уродливости такого естества, до симпатическаго облика всѣмъ знакомаго человѣка.

Указываютъ на безобразное племя Бушменовъ, какъ на особую естественную расу. На это, я замѣчу слѣдующее: Кто не знаетъ о *кретинахъ*, имѣющихся, не въ маломъ количествѣ, въ Швейцаріи, и, недавно еще, бывшихъ скученными въ той или

другой изъ ея нездоровыхъ мѣстностей; кто не слыхаль объ этихъ уродливыхъ карликахъ-идіотгахъ, съ огромными зобами, или, кто не видалъ ихъ. И что же? Многіе ли, однако, рѣшатся утверждать, по своеобразнымъ, по видимому, признакамъ или особенностямъ въ физической структурѣ, что *кретины* суть — отдѣльная раса людей, — раса первоначальная, а не продуктъ нравственной неурядицы устроенной самими людьми?

Здѣсь, я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Во всѣхъ странахъ Европы, часть пишущей и дѣйствующей интеллигенціи недовольна существующимъ строемъ и порядками, и, при всякомъ случаѣ, считаетъ долгомъ заявлять, свои заботы о социальномъ и экономическомъ благосостояніи простаго народа своихъ странъ, критикой существующаго и указаніями на долженствующее быть. Если упоминаемые интеллигенты, въ таковыхъ заботахъ, побуждаются любовью къ *человѣку*, а не недовольствомъ тою долею благъ, которая выпала на долю интеллигенціи, и не недовольствомъ, конечно без-

сознательнымъ, самимъ собою,—то я не понимаю, право, почему они не агитируютъ съ цѣлью обратить вниманіе правительствъ и общества на самыя наиприскорбнѣйшія явленія въ жизни человѣчества, существованіе которыхъ, совмѣстно съ движеніемъ цивилизаціи, должно лежать тяжелымъ камнемъ на совѣсти послѣдней? Почему они не агитируютъ съ цѣлью вызвать дѣятельное участіе общества къ судьбѣ самыхъ дикихъ и загрубѣлыхъ расъ, разбросанныхъ, по землѣ, насиліемъ братьевъ,—напримѣръ, къ судьбѣ какихъ либо Самоѣдовъ, Папуасовъ, Бушменовъ,—и не хлопчатъ о приведеніи ихъ хотя бы къ такому состоянію, въ какомъ находятся, въ настоящее время, народъ ихъ странъ, о которомъ они постоянно заботятся,—къ состоянію, положимъ, крестьянъ какого-либо изъ отдаленнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ захолустьевъ Россіи?

Отговариваться, что—хлопотать объ этомъ—значило бы стремиться къ невозможному, пишущіе и дѣйствующіе интеллигенты, по совѣсти, не могутъ. Христіанскіе миссіонеры, въ особенности же Моравскіе братья, доказали на дѣлѣ,—какъ объ этомъ мною говорено было выше,—предъ всѣмъ свѣтомъ, что такія дикія расы не только могутъ быть приведены къ положенію мужиковъ какого либо Русскаго захолустья, но и къ положенію обитателей самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы. Если та-

кихъ результатовъ достигли миссіонеры, съ своими, относительно, ничтожными средствами, то, чего, въ этомъ отношеніи, могли бы достигнуть, соединенныя общемою святою мыслью, усилія всего человѣческаго цивилизованнаго общества.

Но, это общество, эта фрондирующая интеллигенція молчитъ... Бушмены, Папуасы! ...это далеко... Дѣло сомнительное, и, во всякомъ случаѣ, не видное; да, въ добавокъ, и наука свидѣтельствуетъ о тщетѣ усилій. Вотъ что слышится касательно вопроса о судьбѣ погибающихъ и несчастнѣйшихъ изъ нашихъ братьевъ; и равнодушіе доходитъ до того, что газеты отказываются (мы слышали, что такой фактъ случился у насъ въ Россіи), иногда, печатать извѣстія о дѣятельности миссіонеровъ, находя, вѣроятно, для публики гораздо болѣе интересными извѣстія о томъ, что, въ такомъ-то городѣ, поссорились между собою городской голова съ секретаремъ, или предсѣдатель Управы съ тѣмъ или другимъ изъ ея членовъ.

Приходитъ ли на мысль интеллигенту-публицисту, когда онъ сидитъ въ своемъ тепломъ и комфортабельномъ кабинетѣ, и набрасываетъ, къ завтрашнему номеру газеты, популярныя статьи о разныхъ, замѣчаемыхъ имъ, нуждахъ, неправильностяхъ, неправдахъ вращающихся въ сферѣ его заботливости,—статьи цѣнимыя публикою за прони-

цательность, бойкость пера, смѣлость выражений, а иногда, и за модныя тенденціи,—приходитъ ли ему на мысль, что, во многихъ другихъ отдаленнѣйшихъ и мало извѣстныхъ пунктахъ земнаго шара,—гдѣ нибудь въ льдахъ Лабрадора, въ пампахъ Патагоніи, между Эскимосами, Алеутами, Папуасами,—въ тотъ же часъ, работаютъ и другіе интеллигенты,—интеллигенты, которые, изъ истинной и настоящей любви къ человѣку, трудятся надъ дѣломъ, предъ которымъ дѣло инаго, можетъ быть и очень талантливаго публициста,—какъ бы оно ни было полезно,—покажется, по труду, который вкладывается въ дѣло, микроскопически малымъ?

Не смотря на весь ужасъ обстановки, эти, далеко отъ насъ дѣйствующіе, интеллигенты проводятъ, въ своей самоотверженной работѣ, многіе годы, страдая, болѣя, порою отчаяваясь въ успѣхѣхъ и... нерѣдко заключаютъ свою дѣятельность мученическою смертію.

А газеты наши? Онѣ считаютъ не нужнымъ, и для насъ не интереснымъ, сообщать о такой дѣятельности, происходящей далеко отъ ихъ ярмарочныхъ центровъ,—не благоволятъ, даже, давать намъ имена современныхъ мучениковъ, кончившихъ жизнь на своей святой работѣ.

Надо же, однако, какъ-нибудь охарактеризовать фактъ такого непонятнаго, въ интеллигентѣ, равно-

душія; и я, не задумываясь, рѣшаюсь сказать, что равнодушіе это есть, конечно, явленіе не прогресса, а регресса въ нравственномъ движеніи нашей интеллигенціи.

Интеллигенты первыхъ вѣковъ Христіанства чтили и записывали имена своихъ мучениковъ: эти имена мы сами носимъ теперь всѣ.

Гдѣ же имена тѣхъ современныхъ намъ мучениковъ, которые работали надъ возвращеніемъ заблужденному брату, несчастному дикарю, человѣческаго облика,—работали, страдали и погибали?

Что, напримѣръ, мы знаемъ о Ливингстонѣ? Мы знаемъ, что это былъ знаменитый путешественникъ въ центральной Африкѣ. Но, знаемъ ли мы, что онъ былъ ревностнымъ миссіонеромъ, и что, — послѣ многихъ страданій, испытанныхъ имъ при выполненіи своего подвига,—онъ заплатилъ жизнью, которая покинула его въ Африкѣ,—за самоотверженную любовь къ своему святому дѣлу.

Врядъ ли многимъ извѣстно это. По крайней мѣрѣ, я, впервые узналъ, объ этомъ, въ *бѣдной церкви* одной изъ Швейцарскихъ деревень, тогда, когда пасторъ, съ кафедрой своей, призывалъ благословеніе на имя Ливингстона, и взывалъ къ благодарному о немъ воспоминанію.

Возвращаюсь къ предмету, о которомъ шла рѣчь, прерванная предшествующимъ отступленіемъ.

Борьба за существованіе, этотъ міровой законъ, есть такая простая, осязательная истина,—говорять лѣнливые мыслить господа. И, тогда какъ одинъ изъ прежнихъ философовъ (къ которымъ съ пренебреженіемъ относятся такіе господа), а именно Фихте (отецъ), съ недоступной для нынѣшнихъ скорохватовъ ступени мышленія, восклицалъ: „Кто бы ни былъ ты, носящій человѣческій обликъ,—ты, всегда есть членъ нашей великой общины *)“,—современный ученый,—на основаніи теоріи, гдѣ вопросъ поставленъ такъ, что „рѣчь идетъ уже не объ опредѣленномъ количествѣ лѣтъ, но о несчетномъ числѣ вѣковъ **)“, хладнокровно говоритъ:

„Не доказано, однако же, чтобы племя Акка не получило своего незначительнаго роста, именно благодаря унаслѣдованію случайныхъ признаковъ. Если Албиносы въ самомъ дѣлѣ столь обыкновенны среди племени Момбуту, какъ говоритъ докторъ Швейнфуртъ, то возможно, что при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, отъ нихъ произойдетъ новый видъ. Если бы какой-нибудь переворотъ обусловилъ, въ этой странѣ, быстрое пони-

*) Смotr. «Разыскатели истины», 1878 г. Томъ II, стр. 91.

**) Смotr. *Антропологія* Топинара, (переводъ), стр. 500.

женіе температуры и уменьшеніе солнечнаго лучеиспуска-
канія, то многимъ бы пришлось умереть; но оставшіеся
въ живыхъ имѣли бы больше шансовъ успѣха *)“.

2) Та же доктрина *борьбы за существованіе*, для
людей видящихъ, въ нивелированіи матеріальнаго
благосостоянія, конечную цѣль человѣчества,—для
противниковъ, значитъ, сыновъ высокороднаго скре-
щиванія,—является оправдывающимъ началомъ въ
стремленіи cadaго, считающаго себя умнѣе, а по-
тому и породистѣе другихъ **), устраиваться на
счетъ другаго.

*) Сморг. *Антропология* Топинара, (переводъ), стр. 511.

**) Въ *Антропологии* Топинара (переводъ), на страницахъ 512 и
513 мы читаемъ:

«Но съ той поры, какъ образовались общества, и нравственная
сила получила свое законное превосходство предъ грубой силой, вы-
года, въ борьбѣ за существованіе, пережѣстлялась и выпала на сто-
рону болѣе искусныхъ и предприимчивыхъ, т. е. вообще болѣе ум-
ныхъ. Съ тѣхъ поръ, подборъ сталъ совершаться въ пользу только
одного органа. Онъ всего болѣе сталъ благоприятствовать наибольшимъ
мозгамъ, съ особенно богатыми извилинами, съ болѣе тонкимъ
строеніемъ, съ лучше приспособленными гистологическими элементами.
Въ этомъ заключается причина прогресса, который не оспаривается
никѣмъ».

Высокомѣрное отношеніе къ закону долга, приравниваніе смысла выполненія его смыслу выполненія собакою *стойки* *), отрицаніе нравственной свободы, провозглашаемая отъ имени науки, распатываютъ даже и хорошія натуры, и дѣлаютъ ихъ равнодушными и мало внимательными къ своимъ обязанностямъ, неуважительными къ тому, что, по самому существу человѣка, не можетъ не быть для него священнымъ, — неуважительными къ великимъ міровымъ дѣятелямъ въ области мысли, въ особенности къ такимъ, которые требовали отъ каждаго постоянной нравственной надъ собою работы для признанія, за нимъ, права называться человѣкомъ, и неблагодарными къ памяти предшествовавшихъ благодѣтелей человѣчества, плодами трудовъ которыхъ мы пользуемся при каждомъ шагѣ въ нашей жизни.

Нѣкоторыя ученія, считающіяся передовыми, проводятъ, болѣе или менѣе открыто, то, что, для объясненія міра, они не нуждаются въ Богѣ. Въмѣсто Бога, они ставятъ или всемогущество слѣпыхъ силъ природы, или всепремудрость бессознательной силы, дѣйствующей по конечнымъ цѣлямъ (хотя — и без-

*) Смотри. «Происхожденіе человѣка и половой подборъ», Ч. Дарвина. Переводъ, изд. 1871. Стр. 46.

сознательной?!), а, вмѣсто акта творенія,—самопроизвольное зарожденіе.

И вотъ, учащіеся молодые люди, юноши, и, иногда, даже дѣти, большею частью воспитывавшіеся, дома и въ раннемъ дѣтствѣ, въ религіозныхъ привычкахъ,—только лишь начиная слышать, со стороны, о заключеніяхъ упоминаемыхъ передовыхъ ученій, страшно боятся быть заподозрѣваемыми въ какихъ либо религіозныхъ тенденціяхъ, и *показаться* солидарными въ *воззрѣніяхъ* съ обыденною массою людей и съ своими родителями и родными.

Они слышатъ о томъ, что иные передовые люди самыхъ цивилизованныхъ націй, свою развитость и передовитость, усиливаются заявлять публично замѣною религіозныхъ установленій установленіями гражданскими (напримѣръ: гражданскими браками, гражданскими похоронами, и даже, въ послѣднее время, крещеніемъ въ атеизмъ, и проч.),—слышатъ объ этомъ, а потому и стыдятся войти въ храмъ Божій,—хотя многихъ и тянетъ въ него, — стыдятся, боясь скомпрометировать себя; ибо (мыслятъ они) другіе могутъ принять ихъ за стоящихъ ниже уровня современной науки. Объ томъ они не думаютъ: что сама обстановка храма, независимо отъ представительства культа, можетъ поднять въ душахъ ихъ много благотворныхъ и чистыхъ мыслей, которыя

не подберешь на улицѣ; что видѣ массы людей,— довѣрчиво простирающихъ свой умственный взоръ къ небесамъ и обрѣтающихъ въ храмахъ, хотя на нѣсколько часовъ, тотъ миръ и то спокойствіе, котораго тщетно ищутъ среди житейскаго столпотворенія,—можетъ научить ихъ относиться, не съ такою легкостью и не съ такою полною *вѣрою*, къ моднымъ ученіямъ, отнимающимъ, у огорченныхъ и у осиротѣвшихъ, единственное, что остается имъ,— святую надежду,—и, въ замѣнъ, не дающимъ имъ ничего, кромѣ злой усмѣшки и обѣщанія, что, чрезъ тысячу, напримѣръ, лѣтъ, каждый *тогдашній* человѣкъ будетъ пить шампанское и ѣсть фазановъ, если *нынешній* человѣкъ броситъ надежду на лучшую, для себя, участь въ будущей жизни, и, въ настоящей жизни, станетъ преслѣдовать только лишь фазановъ.

Но, вотъ что еще страннѣе: господинъ уже вполне зрѣлый и серіозный и, что называется, весьма развитый (будь онъ: начальникъ, профессоръ, учитель, воспитатель, писатель), знакомый съ передовыми ученіями не по наслышкѣ, не по однимъ лишь ихъ рискованнымъ заключеніямъ, и находящій ихъ не на столько убѣдительными, чтобы уполномочивать разумъ отвергнуться отъ самого себя,—не рѣшится взять на себя трудъ разъяснить молодому человѣку, только лишь, почти, по наслышкѣ знакомому съ заключеніями передовыхъ ученій: что чело-

вѣкъ, признаваніемъ Бога, не можетъ скомпрометировать себя въ *разумномъ* мірѣ; ибо *разумный* міръ, тѣмъ самымъ, именно, что онъ *разуменъ*, уже свидѣтельствуемъ Бога; что исповѣданіе, въ духѣ и истинѣ, того, что провозглашается въ храмахъ, оно одно именно, и закрѣпляетъ отличіе человѣка отъ животнаго. Такой господинъ не станетъ говорить молодому человѣку, что недостаточно только слышать объ ученіи для того, чтобы усвоивать себѣ его заключенія, а что надо изучать его, и умѣть критически относиться къ нему, прежде нежели приходить къ такому рѣшенію, касательно самыхъ важныхъ для человѣка вопросовъ, какое перерабатываетъ весь нравственный строй его существа,—нестанетъ говорить всего этого, потому что побоится *показаться* стоящимъ ниже уровня послѣдняго слова науки.

И что мудренаго, что такіе господа, и такіе молодые люди поступаютъ такъ, когда передовое лицо одной изъ образованнѣйшихъ націй, представитель внутренней и внѣшней политики государства, въ рѣчи, произнесенной имъ, предъ большимъ собраніемъ, по поводу чествованія памяти одного изъ знаменитыхъ дѣятелей своей страны *),—при-

*) Здѣсь имѣется въ виду рѣчь, которую произнесъ г. Гамбетта, въ Нейбургѣ, 4 сентября 1881 г., при открытіи памятника Дюпону de л'Ёру (Dupont de l'Eure). Мы прочли эту рѣчь въ газетѣ «Новое время» 1881 г., № 1975.

зывая людей къ нравственному совершенствованію, тщательно избѣгаетъ и остерегается произносить имя Бога, какъ бы боясь скомпрометтировать себя въ глазахъ ученыхъ и своей партіи, считающей себя передовою.

На какомъ нибудь ученомъ диспутѣ,—на защитѣ диссертациі на степень доктора медицины, напри- мѣръ,—пусть дѣло идетъ о предметѣ, въ разборъ котораго не свойственно входить при дамахъ, не оскорбляя ихъ скромности: даму, дѣвушку, пригла- шають удалиться; но она не выходитъ изъ ауди- торіи, боясь *показаться* не достаточно презираю- щую свѣтскіе предразсудки.

Какой нибудь модный писатель, пріобрѣтшій репутацію либеральнаго мыслителя разными не- обычно смѣлыми, но рассчитанными на безнаказан- ность, выходками, смѣется надъ преклоненіемъ предъ установившимися авторитетами (не замѣчая, иногда, что, самъ, добровольно, ставитъ себѣ, ку- миромъ,—модное теченіе мыслей, котораго и яв- ляется покорнымъ рабомъ) и надъ практикою раз- ныхъ общепринятыхъ правилъ приличія, часто и дѣйствительно достойныхъ осмѣянія. И вотъ, юно- ша,—полагая, что, чѣмъ болѣе выкажетъ онъ прене- бреженія къ авторитету вообще, тѣмъ болѣе дока- жетъ свою настоящую развитость,—позволяетъ себѣ, въ стѣнахъ учебнаго заведенія, стоять въ

шляпѣ, съ папирскою въ зубахъ, разговаривая съ своимъ старымъ и скромнымъ профессоромъ или должностнымъ лицомъ, стоящимъ съ открытою головою. А этотъ послѣдній? Онъ не дѣлаетъ никакого замѣчанія юношѣ, полагая, что, выясненіемъ отношеній взаимной учтивости (выясненіемъ того, что уважительное отношеніе къ личности *человѣка*, въ обыденныхъ сношеніяхъ съ людьми, выражаемое формами учтивости, есть одинъ изъ первыхъ признаковъ передовитости) можетъ потерять репутацію либеральнаго начальника или профессора и быть засчитаннымъ—стоящимъ ниже уровня высшаго научнаго развитія.

Иной журналистъ или публицистъ очень хорошо понимаетъ *что* именно, въ томъ или другомъ вопросѣ, безусловно хорошо, и *что* именно безусловно дурно; но онъ не дастъ разъясненія въ журналѣ, и не выскажется на кафедрѣ или на трибунѣ, если это, хотя сколько нибудь, можетъ повредить его отношеніямъ къ извѣстному кружку, или политическимъ тенденціямъ, проводимымъ въ журналѣ.

Болѣе того: иной журналистъ допуститъ, за вѣдомо, въ своемъ журналѣ, умышленное искаженіе фактовъ, и, даже, ложь, если, чрезъ это, онъ можетъ угодить праздному любопытству, жадному до скандаловъ, сыграть въ руку модному теченію передоваго общественнаго мнѣнія, и, тѣмъ, или при-

влечъ выгодное вниманіе къ своему журналу, или показаться идущимъ на ряду съ людьми считающими себя, и считаемыми,—но только лишь считаемыми,—передовыми.

Стимуломъ вышеупоминаемыхъ поступковъ, вышеупоминаемаго образа нравственнаго поведенія, есть, никогда не покидающая большинство людей интеллигентнаго слоя, забота—*казаться*.

Ахъ! если бы столько же заботы употреблено было на то, чтобы *быть* не одержимымъ желаніемъ *казаться*; если бы хотя половина заботы была употреблена на это, — какъ выигрывали бы, отъ того, и каждый человѣкъ въ отдѣльности, и все человѣческое общество, живя въ *правдѣ*!

То, что говорится съ кафедры отъ имени науки, и провозглашается — какъ результатъ точнаго научнаго разслѣдованія, можетъ ли оставаться безъ вліянія на молодыхъ слушателей, во всякомъ случаѣ жаждущихъ познанія.

Составляетъ ли же секретъ, для кого-либо, то, что, съ кафедръ учебныхъ заведеній, предъ много-

численными слушателями, преподается отъ имени науки: что воля человѣка есть, въ немъ, не нѣчто самостоятельное, отъ него зависящее, а, вполнѣ, только лишь результатъ — происхожденія, рожденія, ихъ естественной обстановки, физическаго организма, воспитанія, среды въ которой велось оно и въ которой возрасталь и продолжаетъ вращаться индивидуумъ; что человѣкъ, естественно, есть *раба* внѣшнихъ условій, и что, поэтому, то или другое рѣшеніе его къ дѣйствию, въ томъ или другомъ случаѣ, не можетъ, въ сущности, быть вмѣняемо ему ни въ заслугу, ни въ вину.

Отъ упущенія изъ вида, при научныхъ разысканіяхъ, важнѣйшаго правила „различать“ — порождается не мало научныхъ заблужденій.

Къ такимъ научнымъ заблужденіямъ мы имѣемъ смѣлость причислять и третированіе, современной наукой, вопроса о томъ: *свободенъ ли человекъ въ своихъ рѣшеніяхъ*. А между тѣмъ, какъ для человѣка, такъ и для науки, не имѣется вопроса, который былъ бы важнѣе упоминаемаго вопроса.

Къ научному отрипанію человѣческой свободы привело, многихъ мыслителей, недостаточное вниманіе къ правилу о которомъ мы предъ симъ упомянули, — къ правилу „различать“, долженствующему постоянно сопровождать разыскателя во всѣхъ изслѣдованіяхъ.

Мы спрашиваемъ: *свободенъ ли человекъ въ своихъ рѣшеніяхъ?*—а многіе мыслители отвѣчаютъ, на нашъ вопросъ, что рѣшеніе человека опредѣляется предшествующими причинами, обстоятельствами, воспитаніемъ, наклонностями, и что, принимая все это въ соображеніе, настойчивый, проныцательный умъ можетъ предсказать—какое, въ данномъ случаѣ, изслѣдуемый индивидуумъ приметъ рѣшеніе.

Но, развѣ мы спрашиваемъ объ этомъ? Намъ интересуется вопросъ „чувствуетъ ли человекъ, въ моментъ рѣшенія (если онъ дѣйствуетъ въ присутствіи *вниманія*), что онъ свободенъ поступить такъ или *такъ*“ а не то: необходимо ли онъ, въ данномъ случаѣ, долженъ былъ рѣшиться такъ, какъ рѣшился.

Возможность предсказанія акта,—если бы она и была абсолютно доказана опытнымъ изслѣдованіемъ,—не составляетъ элемента для ствѣта на нашъ вопросъ.

Прошу, моего читателя, принять, на минуту, меня за вопрошающаго, а себя—поставить въ положеніе отвѣчающаго на мои вопросы:

Вопросъ: Вы чувствуете *красное*?

Отвѣтъ: Да, чувствую.

Вопросъ: Вы чувствуете—что *сами рѣшаетесь*?

Отвѣтъ: Да, чувствую.

Вопросъ: Какъ вы чувствуете *красное*?

Отвѣтъ: Чувствую непосредственно.

Вопросъ: Какъ вы чувствуете—что *сами рѣшаетесь*?

Отвѣтъ: Чувствую непосредственно.

Вопросъ: Можетъ быть имѣется причина—почему вы чувствуете *красное*, какъ *красное*?

Отвѣтъ: Можетъ быть; но причины я не знаю.

Вопросъ: Можетъ быть имѣется причина—почему вы чувствуете, что *сами рѣшаетесь*, какъ *рѣшаетесь*?

Отвѣтъ: Можетъ быть; но причины я не знаю.

И въ самомъ дѣлѣ: кто спрашиваетъ о причинѣ? Насъ, въ поставленномъ вопросѣ: *свободенъ ли человекъ въ своихъ рѣшеніяхъ*, — занимаетъ не то, что *ничто* должно было привести именно къ такому-то рѣшенію, а занимаетъ — непосредственное чувство человека во время или въ моментъ рѣшенія; непосредственное же чувство говоритъ рѣшающему, что онъ свободенъ поступить такъ или *такъ*, и говоритъ это, даже, гораздо яснѣе и тверже, чѣмъ непосредственное чувство краснаго говоритъ, что красное есть красное.

Если было бы возможно переспросить всѣхъ, когда-либо жившихъ и нынѣ живущихъ людей (тѣхъ, конечно, которые ничего не слышали о научныхъ пререканіяхъ касательно свободы воли). о томъ:

чувствуетъ ли, каждый изъ нихъ, себя свободнымъ, принимая то или другое рѣшеніе въ практикѣ своей жизни,—то, безъ сомнѣнія, всякій изъ спрошенныхъ, на обращенный къ нему вопросъ, отвѣтилъ бы утвердительно.

Осторожная, и не упускающая изъ вида правило—*„различать“* прежде, чѣмъ заключать, наука должна признать:

1) Что человѣкъ, какъ объектъ познанія, можетъ быть опредѣляемъ предшествующими причинами, внѣшними относительно его *я* условіями.

2) Что человѣкъ, какъ субъектъ сознанія и непосредственнаго чувства, опредѣляетъ (рѣшаетъ) себя *самъ*.

Тѣ, что человѣкъ (какъ объектъ) опредѣляемъ *необходимо*, въ своихъ рѣшеніяхъ, внѣшними обстоятельствами и склонностями, унаслѣдованными отъ предковъ или развитыми воспитаніемъ, есть вопросъ далеко еще вполне не доказанный. Но, если бы таковой детерминизмъ и былъ бы несомнѣнною истиной, все-таки, осталось бы тѣ, что, хотя извѣстный актъ, находящійся въ правильномъ зацѣпленіи со всѣми элементами вселенной, какъ объектъ познанія, и долженъ былъ бы необходимо быть совершѣннымъ въ мірѣ человѣческихъ представленій,—тѣмъ не менѣе, виновникомъ его, въ смыслѣ акта какъ акта, въ мірѣ самосознанія и непосредствен-

наго чувства, все-таки, оказывался бы индивидуумъ актъ совершившій, — потому что, въ моментъ рѣшенія, онъ чувствовалъ себя свободнымъ выбрать то или другое рѣшеніе.

Когда это будетъ признано, тогда аргументъ невмѣняемости, конечно, потеряетъ свое значеніе *).

Намъ могутъ сказать:

„По этому выходитъ, что и животныя, въ своихъ дѣйствіяхъ какъ дѣйствіяхъ, или въ своихъ актахъ какъ актахъ, тоже свободны?

Почему же — нѣтъ? — отвѣчу я. Чѣмъ не рациональна та концепція, что — всякое живое существо, въ мірѣ *своихъ* представленій, въ мірѣ, такъ-сказать построиваемомъ его познавательными средствами, чувствуетъ себя свободнымъ къ движенію и къ дѣйствію?

Не будь этого, — мы не называли или не счи-

*) Изъ того, что человѣкъ (какъ объектъ познанія) опредѣляется, въ своихъ рѣшеніяхъ, внѣшними обстоятельствами, предшествующими причинами, склонностями, унаслѣдованными отъ предковъ или развитыми воспитаніемъ, — слѣдуетъ не то, что такое или другое рѣшеніе не можетъ быть вмѣняемо ему ни въ заслугу, ни въ вину, а то, что вмѣняемо въ обязанность, ученому, писателю и вообще мыслителю анализирующему человѣка, (какъ предметъ познанія) стараться, всѣми умственными силами, объ устраненіи, изъ человѣческаго общества, такихъ элементовъ, которые могутъ вліять на то, что человѣкъ, естественно чувствующій себя свободнымъ въ моментъ рѣшенія, дѣлаетъ выборъ противорѣчащій предписанію нравственнаго закона.

Прим. автора.

тали бы животное — существомъ *живымъ*, а считали бы только лишь — двигающимся, по опредѣленному структурѣ, шаблону, автоматомъ.

Отличаетъ человѣка отъ животнаго — не свобода при выборѣ рѣшеній, а среда, въ которой онъ призванъ дѣйствовать, мотивы дѣйствія, и борьба, которую онъ выдерживаетъ, во имя повиновенія нравственному закону, со всеми склонностями, возможность побѣды надъ которыми и конституируетъ отдѣльную человѣческую личность.

Когда, одинъ разъ, въ разговорѣ, я указывалъ на способность человѣка къ самоотверженію, къ самопожертвованію, одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что и животное способно къ самопожертвованію, такъ какъ, съ опасностью для жизни, защищаетъ своихъ дѣтенышей и людей, къ которымъ привязано, — и привелъ, въ подтвержденіе, примѣры даваемые Дарвиномъ, въ его книгѣ „*Происхожденіе человека и половой подборъ*“. На это я отвѣтилъ тогда, и отвѣчаю теперь, что, во всякомъ случаѣ, животное дѣйствуетъ, тутъ, *по склонности*.

Въ поступкахъ только лишь человѣка мы видимъ возможность приложенія къ дѣлу формулы нравственнаго закона, принципа *чисто* нравственнаго: „*Обязанность ради обязанности*“. Только человѣкъ, онъ лишь одинъ, способенъ дѣйствовать *не по склонности* и не по отвращенію (которое есть

тоже склонность, но—съ отрицательнымъ характеромъ), какъ способно дѣйствовать и животное, а по *предписанію* нравственнаго закона, по чувству благоговѣнія къ оному, — только лишь человѣкъ способенъ *обязанность* исполнять *изъ обязанности* *)).

И въ самомъ дѣлѣ, въ хроникѣ человѣческихъ дѣйствій, мы можемъ открыть много такихъ случаевъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ не по склонности, а противъ ея, — гдѣ онъ дѣйствуетъ по повелѣнію, передаваемому ему чрезъ сенсъ нравственной отвѣтственности, и передаваемому не изъ міра представленій, къ которому человѣкъ принадлежитъ какъ объектъ мыслящаго и нравственно свободнаго я, а..... неизвѣстно откуда.

Одинъ *стрѣлочникъ* (стрѣлочный сторожъ на путяхъ желѣзной дороги), видя приближающійся поѣздъ, спѣшитъ къ своему посту, дабы поставить стрѣлку на надлежащій и свободный путь. Но, вдругъ, онъ (стрѣлочникъ) замѣчаетъ свою маленькую четырехлѣтнюю дочку на пути слѣдованія поѣзда... Рѣшеніе не отлагательно; на выборъ едва имѣется мгновеніе. Если, вмѣсто того, чтобы на-

*) Обращаемъ вниманіе читателя на замѣчательныя разъясненія вопроса въ «*Исторіи Новой Философіи*» Куно-Фишера, перев. Н. Н. Страхова. Томъ IV. Кантъ. Стр. 145, 146, 147, 364, 365, 366, 367. Нѣкоторыя выписки изъ этой книги, по поводу того же вопроса, даны въ моей книгѣ «*Разыскатели истины*». 1878 г. Томъ 1. Приложение.

Примѣч. автора.

правиться къ своему посту для установленія стрѣлки, онъ кинется къ дочери: дочь спасена, но поѣздъ, войдя на не свободный путь, потерпитъ крушеніе, могущее имѣть послѣдствіемъ гибель многихъ людей; если же, для выполненія своей обязанности, онъ будетъ, во время, на своемъ посту: дочь его погибнетъ, но поѣздъ спасенъ... Стрѣлочникъ дѣлаетъ знаменіе креста, бросается къ своему посту, и... поѣздъ проходитъ благополучно.

Человѣкъ *А* горячо и, вмѣстѣ, благоговѣнно любитъ женщину, которая платитъ ему только лишь дружескимъ расположеніемъ. Другой человѣкъ *В*, любимый ею, попадаетъ, безвинно, въ положеніе, грозящее ему неминуемою смертию... Тогда *А* придумываетъ (на чтó употребляетъ нѣсколько дней) весьма сложную комбинацію: принесеніемъ своей жизни въ жертву,—и только лишь этимъ однимъ,—можно спасти *В*. Но если *В* узнаетъ о великодушномъ рѣшеніи, то не захочетъ воспользоваться имъ. Поэтому *А* ловко обманываетъ *В*, и, для осуществленія своей комбинаціи, употребляетъ даже, надъ нимъ, насиліе *).

Кто станетъ оспаривать тó, что человѣкъ способенъ, во имя глубокой привязанности, или во имя какого-либо другого высокаго чувства, принести

*) Подобныя личности выставлены *Диккенсомъ*, въ романѣ его: «*A Tale of two Cities*».

свою жизнь, или свое имя, въ жертву, даже и тогда, когда ему кажется необходимымъ совершить жертву такъ, чтобы она, навсегда и для всѣхъ, оставалась тайной?

Вотъ, такія-то, именно, дѣйствія, возможность выработки въ себѣ готовности къ нимъ, и, вообще, возможность добровольнаго проведенія, въ практику жизни, полнаго повиновенія нравственному закону— и составляютъ отличіе человѣка отъ животнаго. Тотъ только истинно свободенъ, практика жизни котораго основывается на упоминаемомъ повиновеніи.

Вообще же говоря, я считаю,—какъ объ этомъ было говорено въ моей брошюрѣ „Nosce te ipsum“ (1881 г.),—что, ссылатся, при выясненіи *внутренняго* міра человѣка, на факты изъ нашихъ наблюденій надъ животными, есть пріемъ совершенно не научный. Животныя—суть элементы міра нашихъ представленій; мы судимъ о нихъ, объ ихъ жизни, съ точки зрѣнія *человѣка*. *Внутренній міръ* ихъ, а стало быть, и мотивы ихъ дѣйствій, могли бы быть объяснены только ими самими.

Капитальный, для человека, вопросъ о свободѣ воли отвлекъ меня отъ разсматриваемаго, въ этомъ моемъ трудѣ, предмета.

Говоря предъ симъ о томъ—какимъ образомъ и въ какомъ видѣ вопросы, разрабатываемые въ высяхъ науки, проникають въ умы людей вообще интеллигентнаго класса, я остановился на томъ, что, съ кафедръ учебныхъ заведеній, отъ имени науки, преподаются рѣшенія, которыя далеко нельзя признать за несомѣнные результаты точныхъ научныхъ изслѣдованій.

И такія рѣшенія провозглашаются предъ молодыми слушателями, сильно интересующимися всѣмъ тѣмъ, что изречетъ господинъ, имѣющій репутацію передового мыслителя и ученаго,—провозглашаются безъ заботы о томъ—какое дѣйствіе, утвержденія, выдаваемые за результаты точной опытной науки, произведутъ на умы и сердца слушателей, а затѣмъ, и на другихъ людей, которые, относительно непосредственно слышавшихъ ученіе, могутъ тоже встать въ положеніе слушателей.

Преслѣдуя разныя цѣли, напримѣръ—цѣли политическія, господа, желающіе играть передовыя роли между своими согражданами, не стѣсняются призывать такъ-называемое послѣднее слово науки для

подкрѣпленія своего авторитета, или авторитета партіи, къ которой принадлежать.

28-го Августа, 1881 года, происходила конференція г. *Поля Бера* (*Paul Bert*), въ пользу „свободной, бесплатной и свѣтской школы (école libre, gratuite et laïque)“, въ XX Округѣ (Белльвиль) Парижа *).

Г. Поль Беръ, „горячо рекомендуемый“ знаменитымъ Президентомъ Палаты представителей Франціи, въ своей рѣчи, законченной при громѣ рукоплесканій, нападаая на недостатки клерикальнаго воспитанія и образованія, сказалъ:

„Чѣмъ болѣе народы удаляются отъ религіи, тѣмъ болѣе они прогрессируютъ“.

Г. Беръ, конечно, не можетъ быть причисленъ къ людямъ не свѣдущимъ въ исторіи прошедшаго и въ исторіи своего времени. А потому, весьма странно слышать отъ него, съ трибуны, такое неправильное и несправедливое утвержденіе, и слышать тогда, когда, наоборотъ, утверждать возможно именно противоположное выставляемому имъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ внимательно перебрать историческіе факты, и собрать свѣдѣнія (свѣдѣнія опубликованныя и которыя должны быть извѣстны всякому, кто считалъ бы себя компе-

*) Смотр. газету «Новое время», 1881 г., № 1970.

тентнымъ поучать, съ трибуны, о воспитаніи и образованіи) о результатахъ достигнутыхъ, въ нашемъ вѣкѣ, на земномъ шарѣ, дѣятельностью миссіонеровъ, евангелизирующихъ дикарей и вообще загрубѣлыя народы.

Г. Беръ, рекомендуемый г. Гамбеттой, преслѣдуя общія съ нимъ политическія цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, вѣроятно, выказать себя — стоящимъ на высшей ступени достигнутаго человѣчествомъ знанія, дабы слова его имѣли двойной авторитетъ для слушателей.

Кто же станетъ отрицать, теперь, тѣ, что слова эти, сказанныя г. Беромъ, будутъ имѣть громадное вліяніе на умы — какъ учениковъ и ученицъ бесплатной и свѣтской школы, такъ и другихъ, весьма многихъ, старѣйшихъ, безъ сомнѣнія, годами, но одержимыхъ дѣтскою эпидеміею, — эпидеміею всякаго полубразованія, — *казаться*, по развитію, принадлежащими къ кругу тѣхъ передовыхъ людей, представители котораго, нынѣ, имѣютъ притязаніе распоряжаться судьбами просвѣщенной Франціи и вести ее по пути гражданскаго и умственнаго прогресса?

Но, какое вліяніе, *направленіе* науки, можетъ имѣть на людей вовсе не читающихъ, на такъ-называемый народъ, для котораго наука и всякіе научные вопросы суть — *terra incognita*?

Безъ сомнѣнія, для людей этого слоя общества, наука, дѣйствительно, есть *terra incognita*. Но, *направленіе* науки, тѣмъ не менѣе, не можетъ не имѣть на нихъ вліянія, чрезъ ежедневное столкновеніе съ выставкою нравственнаго строя такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, находящихся съ ними въ неизбѣжномъ житейскомъ общеніи.

Направленіе это сказывается, простому человѣку, въ практикованіи всякимъ интеллигентомъ, считаемымъ имъ за *ученаго*, своихъ отношеній къ самому себѣ, къ другимъ людямъ, къ природѣ и къ Богу. Увольнительное свидѣтельство, напримѣръ, даваемое, въ наше время, иногда, *направленіемъ*, — увольнительное свидѣтельство отъ строгаго подчиненія нравственному закону, удачно резюмированное, покойнымъ Достоевскимъ, выраженіемъ: „*Все дозволено*“, — въ приложеніи его, интеллигентомъ, къ своимъ поступкамъ, на глазахъ простаго человѣка, — дѣйствуетъ, силою примѣра, на послѣдняго тоже расшатывающимъ образомъ.

Какъ самъ интеллигентъ — можетъ быть, такъ и подражающій ему простолюдинъ — не замѣчаютъ,

что это, по видимому, широко освобождающее правило повергает ихъ въ рабство самаго низменнаго свойства, въ рабство животнымъ элементамъ своей натуры, которыми, наоборотъ, человѣкъ обязанъ стараться овладѣвать, и воленъ стараться, — что бы ни говорили, касательно послѣдняго, господа примиряющіеся съ естественною, будто бы, необходимостью обращенія между людьми увольнительныхъ отъ долга свидѣтельствъ.

Наблюдавшій внимательно самую сокровеннѣйшую глубь человѣческой души, Достоевскій, въ своемъ романѣ „*Братья Карамазовы*“, выказалъ — какъ частое повтореніе утвержденія: „*Все дозволено*“, въ разговорахъ, и практикованіе его, отъ имени какъ бы науки, молодымъ бариномъ, въ присутствіи слуги (*Смердякова*), повліяло на послѣдняго. Едва выучившійся грамотѣ, но уже одержимый болѣзненно *казаться*, себѣ и другимъ, стоящимъ, по уму, выше простолудина, живя въ полубразованной средѣ, не стѣсняющейся его присутствіемъ, Смердяковъ ловитъ упоминаемое правило („*Все дозволено*“) въ словахъ и поступкахъ выше его стоящихъ людей, и, въ особенности, замѣчаетъ, что оно одобряется человѣкомъ, какъ ему представляется ученымъ (*Иваномъ Карамазовымъ*), кончившимъ курсъ въ университетѣ, и — одобряется какъ результатъ будто бы приобрѣтенныхъ послѣднимъ знаній.

Сообразно этому правилу, при встрѣтившихся обстоятельствахъ, Смердяковъ позволяетъ, и самъ, себѣ дѣйствовать. Безъ этого, онъ, вѣроятно, не пришелъ бы къ преступленному рѣшенію, послѣдствія котораго весьма быстро и изгрызли его.

Вы думаете, что народъ не замѣчаетъ выказываемаго, иногда и не намѣренно, ученымъ господиномъ, равнодушія или неуваженія къ тому, что онъ (народъ) считаетъ безусловной святыней,—не замѣчаетъ, напримѣръ: что, пріѣхавшій изъ *ученія* баринъ (часто еще и мальчикъ) пройдетъ мимо церкви, не снявъ шапки; что онъ неуважительно отнесется къ отцу или къ матери, пренебрежительно или не почтительно къ покойнику *); что, на судѣ, иногда, *ученый* господинъ, всякими неправдами, старается оправдать явнаго вора и убійцу, и, при разборѣ тяжбы, доставляетъ, своимъ краснорѣчіемъ, побѣду сторонѣ не правой; что онъ (*ученый* господинъ) спустя рукава исполняетъ свои служебныя обязанности; что нравственная оцѣнка поступковъ у него неустойчивая и мѣняется сообразно обстоятельствамъ и расположенію духа...

Все это, повѣрьте, замѣчаетъ простолюдинъ, и... когда, выучившись грамотѣ и начиная читать, онъ не имѣетъ, передъ глазами, назидательнаго при-

*) Нельзя отрицать того, что многіе изъ цивилизованныхъ людей считаютъ всѣ счеты съ личностями покойниковъ поконченными.

мѣра въ *ученомъ*, не видитъ того, что, одно, обусловливаетъ рачіонально превосходство *ученаго* надъ *неученымъ*, то, весьма легко рождающееся, стремленіе *казаться* стоящимъ, по уму, не ниже ученыхъ *господъ*, охватываетъ его не съ меньшею силою, чѣмъ васъ...

Можно выяснитъ это довольно простымъ уподобленіемъ. Не смотря на всю скудость смысла *фрака*, какъ одежды, едва грамотные люди, слуги, любятъ надѣвать фраки своихъ *господъ*, дабы *казаться*, въ средѣ своихъ, стоящимъ выше ея по образованію.

Изъяты ли, вовсе, люди и интеллигентнаго класса отъ этой страсти—облекаться во фраки людей, считаемыхъ, заслуженно или незаслуженно, въ научномъ мѣрѣ, передовыми?

Многое можно еще сказать въ подтвержденіе моей тезы; но сказаннаго, мнѣ кажется, уже достаточно для выясненія ея справедливости.

Я стою на томъ: что *направленіе* движенію знанія даютъ ученые инициаторы; что *направленіе* это проводится, въ умы и въ жизнь культурнаго класса, разными популяризаторами и истолкователями, часто легкомысленно относящимися къ тому—какое вліяніе, на умы, можетъ имѣть, новое ученіе, а иногда, дѣлающими изъ популяризаціи гешефты и устроивающими свою ученую карьеру, въ расчетѣ

на пагубное расположеніе культивируемаго класса *казаться* стоящимъ на степени культуры далеко ему не принадлежащей; что, въ жизнь и въ умы народа, *направленіе* проводится поведеніемъ и примѣромъ культурнаго слоя. Напримѣръ, нравственная распатанность людей этого слоя, прикрываемая рыночною научною мантіей, даетъ низшему классу какъ бы право на весьма легкое отношеніе къ тому, что, во всѣ времена, признавалось священнымъ истинно передовыми умами эпохъ, и въ чемъ, конечно, гораздо болѣе смысла, и научнаго смысла, чѣмъ во всемъ полуобразованіи псевдо-культурнаго класса.

Простодушный крестьянинъ, повергающійся, съ горячею вѣрой, и съ полнымъ смиреніемъ, въ прахъ, предъ старою иконою, помѣщенной въ углу его темной избы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ *Прокль Севастьяновъ*, въ поэмѣ Некрасова „*Морозъ красный носъ*“), строго выполняющій свои обязанности, — какъ ни ограниченъ былъ бы кругъ его дѣятельности; Некрасовская же старуха, цѣлую ночь, бессонно, ворочающаяся на печи, горько скорбящая о своихъ грѣхахъ (о ропотѣ на благость Господню, когда забрили у нея сынка; о томъ, что въ постъ испила молока; о томъ, что, разъ, съ ходу, съ ходу-то крестнаго, ушла съ паренкомъ) и тоскливо восклицаящая: „Вся-то грѣшна я, грѣшна!“, несравненно ближе подходятъ къ идеалу человѣка, чѣмъ куль-

турный и самодовольный попугай, безъ надлежащей повѣрки, нахватавшій, изъ разныхъ модныхъ научныхъ книгъ, разныхъ идей, а иногда, и просто мудрёныхъ словъ, и повторяющій ихъ для того, чтобы *казаться* стоящимъ не ниже послѣдняго слова науки.

И такіе псевдо-культурные люди, далекіе, въ дѣйствительности, отъ нравственнаго выдисциплинированія себя самымъ строгимъ образомъ, — выдисциплинированія, требующагося необходимо отъ учителя (будь онъ: писатель, ученый, профессоръ), претендуютъ быть указателями въ реформахъ общественнаго строя!

Вмѣсто того, чтобы, пользуясь пріобрѣтенными познаніями, указывать, простымъ людямъ, лучшую дорогу къ истинному благополучію, они, — брэнча, предъ ихъ глазами, пестрыми и блестящими погрешками, — выводятъ ихъ въ долину *запустынія*, гдѣ и сами не находятъ никакихъ дорогъ.

Какъ кстати было бы сказать имъ то, что, извѣстный всѣмъ Шильонскій узникъ *Бониваръ* (François de Bonivard), Пріоръ Пріорства Св. Виктора (Pays de Vaud) въ Швейцаріи, отвѣтилъ, когда былъ еще на свободѣ, разнымъ вліятельнымъ лицамъ, его сосѣдямъ (около 1529 года), которые, — нѣсколько уже ознакомившись съ движеніемъ реформаціи, начинавшимъ проникать и въ ихъ страну, —

обратились къ нему за совѣтами касательно возможной у нихъ реформы.

Вотъ отвѣтъ Бонивара:

„Было бы, конечно, желательнo, чтобы зло, существующее среди насъ, было устранено, — лишь бы только замѣнено оно было настоящимъ добромъ. Вы горите желаніемъ реформы нашей церкви; но, какъ можете реформировать ее — вы, какъ могутъ ее реформировать такіе безобразники, какъ вы (*difformes que vous êtes*)? Вы жалуетесь на то, что ваши священники и монахи — сластолюбцы; а сами вы: развѣ вы — не сластолюбцы? Вы жалуетесь, что они — игроки и пьяницы; а сами вы: развы вы — не игроки и не пьяницы? Ненависть, питаемая вами къ нимъ, происходитъ ли отъ противоположности комплекцій. Нѣтъ. Скорѣе: не происходитъ ли она отъ сходства?

„Вы имѣете намѣреніе отдѣлаться отъ вашего духовенства и замѣнить его настоящими министрами Евангелія. Это, въ сущности, было бы большимъ благомъ, но вышло бы не хорошо на вашъ взглядъ, — на взглядъ людей, не понимающихъ другого благополучія, кромѣ свободы пользоваться удовольствіями, разрѣшаемыми имъ священниками. Министры Евангелія захотятъ реформировать пороки, и тогда... тогда-то, именно, вы сильно и разгнѣваетесь. Послѣ того, какъ вы ненавидѣли священниковъ за то, что

они слишком похожи на васъ, вы будете ненавидѣть замѣнившихъ ихъ Пастырей за то, что эти послѣдніе слишкомъ на васъ не похожи.

„По этому, — если вы желаете мнѣ вѣрить, — сдѣлайте одно изъ двухъ: Если вы хотите оставаться все такими же безобразниками, то не находите страннымъ — что и другіе оказываются такими же безобразниками; если же вы хотите реформировать ихъ, то начинайте, сами, съ того, чтобы указывать имъ дорогу“.

Одинъ Французскій писатель *), преждевременно умершій, писалъ между прочимъ: „Въ дѣлѣ метафизики, я осмѣливаюсь помѣщать ребенка выше добраго и умнаго крестьянина-землепашца, ничего не читавшаго. Какіе изумительные вопросы! Сколько смѣлости, правоты, сколько простоты и глубины въ манерѣ ребенка ставить проблемы! Какая готовность и какое терпѣніе выслушивать дѣлаемые ему отвѣты! И, часто, какое простодушное, наивное

*) *Jules Lequier.*

сожалѣніе о томъ, что онъ не можетъ понять послѣдніе.

„Къ несчастію, сдѣлавшись человѣкомъ, ребенокъ утрачиваетъ скромность съ ея преимуществами. Но, не вполнѣ по винѣ его происходитъ даже и это. Языкъ его обманываетъ; примѣръ увлекаетъ; неумѣстный авторитетъ мучаетъ. Хорошими качествами ребенка пользуются для того, чтобы соблазнить его; и онъ привязывается, къ заблужденіямъ, ему передаваемымъ, всею силою горячаго и добраго расположенія, питаемаго имъ къ тѣмъ, которые обѣщали дать ему истину“.

Я не могу съ этимъ не согласиться.

Всякій изъ насъ, конечно, изумлялся тѣмъ вопросамъ, которые, иногда, задавалъ ему ребенокъ. Болѣе того, многіе сознаются, что бываютъ случаи, когда затрудняешься даже *что* отвѣчать, потому что сущность вопросовъ бываетъ такъ глубока и серьезна, что отвѣчать можно только лишь прежде подумавъ не мало.

Я обратилъ на это вниманіе потому, что, отъ отвѣтовъ на серьезные вопросы ребенка, зависитъ многое: зависитъ нравственное настроеніе подростящаго человѣка.

Поэтому, какъ родителямъ и близкимъ людямъ, окружающимъ ребенка, — естественно признающаго ихъ авторитетъ, — такъ воспитателямъ и учите-

лямъ—надо быть очень осторожными въ даваемыхъ отвѣтахъ. Осторожно должно быть и передаваемое наученіе. Ребенокъ любознателенъ; но онъ и довѣрчивъ, — довѣрчивъ, въ особенности, къ тѣмъ, кого любитъ.

Неоспоримо, также, и то, что, когда ребенку, на вопросы его о людяхъ и о ихъ различныхъ отношеніяхъ, даютъ отвѣты способные возвысить, въ его понятіи, достоинство и значеніе человѣка, тогда онъ оказывается весьма довольнымъ, радуется, какъ-бы торжествуетъ даже, и какая-то особенная бодрость замѣчается во всемъ его существѣ. Такіе отвѣты, должно быть, подтверждаютъ, для ребенка, идеаль *человѣка* (находящійся, въ зародышѣ, въ разумѣ каждаго), постоянно, хотя и неполнѣ опредѣленно, витающій предъ его умственными очами, въ его неиспорченномъ воображеніи. Разказы — о высокиихъ поступкахъ, совершаемыхъ людьми, о простой и честной жизни многихъ — воспитываютъ его духъ и укрѣпляютъ энергію, стремящуюся ко всему добруму. Въ книгѣ моей „Разыскатели истины“, я говорилъ, между прочимъ, что чтеніе, дѣтямъ, произведеній Купера и подобныхъ ему писателей, есть одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ для нравственной культуры формирующагося человѣка. Здѣсь, я повторяю тоже самое, и вполне убѣжденъ, что не ошибаюсь.

Въ *Критикъ Практическаго разума* Канта, мы читаемъ: „Разкажите десятилѣтнему ребенку исторію человѣка, котораго хотѣли увлечь на сдѣланіе ложнаго показанія, — хотѣли увлечь, сначала, блестящими обѣщаніями, потомъ, самыми ужасными угрозами, наконецъ — физическими истязаніями и нравственными мученіями, ставя спасеніе семейства этого человѣка въ зависимость отъ его покорности, — и скажите, слушающему васъ ребенку, что человѣкъ, про котораго вы рассказываете, не сдался на обѣщанія, не испугался угрозъ, устоялъ противъ пытки и казни близкихъ ему людей; передайте все это, и... вы увидите, какъ вашъ юный слушатель будетъ переходить, постепенно, отъ простаго одобренія къ восхищенію, отъ восхищенія къ изумленію, къ глубокому почитанію, къ благоговѣнію, и, наконецъ, пожелаетъ самъ достигъ такого же величія души, и даже быть на мѣстѣ благороднаго мученика“ *).

Если же, напротивъ, на задаваемые, ребенкомъ, вопросы, ему, необдуманно, даются отвѣты, способные, въ его глазахъ, унижить достоинство и значеніе человѣческой личности, то онъ (ребенокъ) явно огорчается, перестаетъ спрашивать, — какъ-бы чувствуя нѣкоторое смущеніе, — и въ существѣ его

*) Смotr. «*Разыскатели истины*» Ипполита Панаева. 1878 г. Томъ I, Методологія практическаго разума, стр. 354.

замѣчается вообще упадокъ жизненной энергіи. Смущаетъ его, конечно, несогласіе представляемой ему дѣйствительности съ постоянно витающимъ предъ нимъ идеаломъ.

Здѣсь я замѣчу, кстати, что весьма вѣроятно то, что многіе хорошіе люди, если и сердятся на другого человѣка, то потому, — можетъ быть и не сознательно для самихъ себя, — что не находятъ, въ немъ, согласія съ тѣмъ идеаломъ человѣка, котораго они, естественно, расположены любить, не находятъ въ немъ того *человѣка*, какого, естественно, предполагаютъ.

Понятно, теперь, поэтому, — къ какому результату могутъ привести незаботливыя воспитаніе и обученіе, неосторожно и необдуманно дающія отвѣты, и забывающія, что ими именно и формируется человѣкъ.

Смотрѣли ли вы, когда-нибудь, внимательно, въ глаза ребенка?... Вспомните этотъ свѣтлый, ясный, довѣрчивый, можно сказать — святой взоръ. Затѣмъ, представьте себѣ взоръ того же мальчика, или той же дѣвочки, чрезъ нѣсколько лѣтъ (и вовсе не чрезъ много лѣтъ), въ тотъ моментъ, когда рука ихъ берется за револьверъ для того, чтобы, — болѣе или менѣе обдуманно, — покончить счеты съ жизнью... Не дрогнетъ ли, — представивъ себѣ этотъ взоръ, — ваше сердце, когда вы подумаете, что, можетъ быть,

и ваше неосторожное, легкомысленное слово прибавило яду въ чашу горечи, отуманившей формировавшуюся интеллигентность?

Увѣрены ли же теперешніе руководители и учителя, считающіе, — добросовѣстно, быть можетъ, но легкомысленно, — нынѣшнее матеріалистическое направленіе вполнѣ научнымъ, а потому, — не сознательно, конечно, — убивающіе, въ самомъ раннемъ возрастѣ, у обучаемого, вѣру въ достоинство и значеніе человѣка, — увѣрены ли они, что сумѣютъ выставить, въ поле человѣческой дѣятельности, такихъ бодрыхъ и здоровыхъ нравственно субъектовъ, какихъ они желали бы видѣть въ этой дѣятельности?

Смѣю думать, что многіе, — многіе даже изъ тѣхъ, которые ставятъ себѣ такой вопросъ, — вовсе не увѣрены въ этомъ.

Кантъ говоритъ: „Именно чувствомъ ихъ личнаго достоинства надо приучать людей къ уваженію своего долга, и къ тому, чтобы они уважали добродѣтель. Это есть — и побужденіе самое сильное, и единственное основаніе всякой хорошей методы нравственности“.

Но врядъ ли чувство личнаго достоинства можетъ воспитаться въ людяхъ, когда, — въ теченіи именно тѣхъ лѣтъ, когда формируется человѣкъ, — постоянно сквозятъ во всякомъ наученіи, и прово-

дятся, болѣе или менѣе прямо, отъ имени естественной науки, нижеслѣдующія ея заключенія:

„Откуда бы человѣкъ ни произошелъ и какова бы ни была его судьба, но, для антрополога, онъ навсегда останется млекопитающимъ съ самой сложной организаціей, нуждами и болѣзнями, и съ самымъ развитымъ мозгомъ, способнымъ къ произведенію удивительнѣйшихъ отправленій. Какъ млекопитающее, человѣкъ подверженъ тѣмъ же законамъ, какъ и всѣ остальные животныя; какъ такое, онъ раздѣляетъ и участь всѣхъ животныхъ. Какъ отдѣльный индивидуумъ, человѣкъ рождается, плодится и умираетъ. Какъ цѣлое же человѣчество, онъ испускаетъ яркій свѣтъ, и размножается подобно свѣтиламъ, освѣщающимъ міры, но въ концѣ-концовъ потухающимъ *)“.

Не поддержитъ и не ободритъ, позднѣе, юношу, напитавшагося, мало-по-малу, вышеприведенными будто-бы научными идеями, и современная философія, — и именно та, которая имѣетъ, нынѣ, громадное распространеніе, въ особенности въ — Германіи. Я говорю о философіи *Гартмана*, заключенія которой могутъ быть резюмированы такъ:

„Счастіе существуетъ лишь съ царствомъ минеральнымъ.“

*) См. *Антропология* Топивара, переводъ, стр. 518.

„Мнимыя блага жизни могутъ быть классифицированы такъ:

„1) Тѣ блага, которыя соотвѣтствуютъ состоянію чистой безразличности, чистой индифферентности, и не представляютъ ничего болѣе, какъ отсутствіе нѣкоторыхъ видовъ страданія. Эти блага суть: здоровье, молодость, благосостояніе (*le bien-être*).

„2) Тѣ, которыя служатъ лишь къ тому, чтобы реализовать цѣли постороннія, чуждыя, и которыя оказываются пустыми, обманчивыми мечтами, съ того момента, когда ихъ принимаютъ за цѣли настоящія. Эти блага суть: желаніе богатства и власти, или чувство чести.

„3) Тѣ, которыя, въ среднемъ выводѣ, причиняютъ гораздо болѣе страданія, чѣмъ удовольствія. Эти блага суть: аппетитъ (*la faim*), любовь физическая.

„4) Тѣ, которыя основываются на иллюзіяхъ, на заблужденіяхъ, долженствующихъ быть разсѣянными съ прогрессомъ интеллигентности. Эти блага суть: любовь-чувство (*l'amour-sentiment*), благочестіе, надежда.

„5) Тѣ, которыя ясно признаны какъ зло, но которыя принимаютъ дабы избѣжать золь еще болѣе ужасныхъ. Эти блага суть: трудъ, женитьба.

„6) Наконецъ, тѣ, которыя, дѣйствительно, приносятъ болѣе удовольствія, чѣмъ горя; но удоволь-

ствіе отъ коихъ, болѣе или менѣе, покупается горемъ, и которыя, къ тому же, могутъ быть удѣломъ числа людей сравнительно небольшого. Эти блага суть: искусство и наука“.

Таковъ балансъ жизни, начертанный извѣстнымъ современнымъ философомъ, претендующимъ на знакомство съ послѣдними выводами опытныхъ наукъ, — что и дѣлаетъ его, въ глазахъ молодежи, ищущей заключеній точной науки, заслуживающимъ того довѣрія и уваженія, каковыми онъ между ними и пользуется *). Каро (Caro), членъ французской Академіи, изъ книги котораго **) мы взяли вышеприведенное мѣсто, справедливо говоритъ: „Зло имѣется въ мірѣ; и, безъ сомнѣнія, имѣется его въ мірѣ не

*) Въ книгѣ моей «Пути къ рациональному міровоззрѣнію», на страницахъ 94 и 95, помѣщено, по этому поводу, нижеслѣдующее:

Въ одномъ изъ современныхъ романовъ, приведенъ разговоръ между собою молодыхъ людей, считающихъ себя передовыми. Одинъ изъ разговаривающихъ выражаетъ слѣдующія мнѣнія:

«Нирвана — основной принципъ всякой логической системы мышленія... Гартманъ самый послѣдовательный позитивистъ нашего времени... Гартманъ довелъ критическій анализъ до крайнихъ предѣловъ...»

«Пессимистическое міровоззрѣніе ставитъ базисомъ непреложную истину, что, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, фактъ существованія есть печальная необходимость давить другихъ, или быть самому давимымъ; это подтверждается всѣми данными науки. Дарвинъ прямо указываетъ на роковую необходимость борьбы за существованіе, а Геккель въ своей *Natürlichen Schöpfungs geschichte*...»

**) «*Le pessimisme au XIX Siecle*», par E. Caro.

мало; но худшее изъ золь—это—проклятіе на существованіе, отреченіе отъ жизни“.

И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ создать псевдонаучныя мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя мы привели?

Нѣсколько человѣкъ, изъ тысячи, не выдержатъ такого ученія, и, сопоставляя вмѣстѣ и то, что говоритъ антропологъ, и то, что говоритъ модный философъ, припомнятъ мнѣнія послѣдняго, что „счастіе существуетъ лишь съ царствомъ минеральнымъ“, и разmozжатъ себѣ головы. Они сдѣлаютъ это, утративъ симпатію и должное уваженіе къ истинному значенію каждой отдѣльной человѣческой личности, естественно живущія въ ребенкѣ; ибо, люди, которые истинно уважаютъ и любятъ *человѣка*, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ, не убиваются и не убиваютъ.

Большая часть молодыхъ людей не сдѣлаетъ, конечно, этого, и устоитъ кое-какъ на ногахъ; но умственный и нравственный строй жизни окажется у нихъ распатаннымъ, и чувство достоинства особой человѣческой личности у многихъ будетъ убито.

Надо надѣяться, однако, что многіе также отнесутся, къ такимъ ученіямъ, съ рациональной критикой, а иные даже, съ сознаниемъ права говорить отъ имени науки, отвернуться отъ нихъ, и подивятся дерзновеннымъ притязаніямъ, нѣкоторыхъ

модныхъ современныхъ ученыхъ, отвѣчать, — и отвѣчать такъ, какъ они отвѣчаютъ, отъ имени будто-бы точной опытной науки, — на такіе вопросы, на какіе упоминаемая наука никогда не будетъ въ состояніи отвѣчать.

Мнѣ возразятъ:

„Но многіе ли знакомы съ выводами антропологии и философіи Гартмана?“

На это я отвѣчу, что, если и не весьма многіе знакомятся съ ними (съ этими ученіями) непосредственно, сами и серьезно, то всѣ, или, пожалуй, почти всѣ учащіеся знакомятся съ ними чрезъ посредство ходячаго вокругъ ихъ мнѣнія, выражающагося, болѣе или менѣе ясно, какъ въ разговорахъ такъ-называемыхъ людей науки и товарищей, считаемыхъ болѣе другихъ развитыми, такъ и въ книгахъ, признаваемыхъ, этимъ же ходячимъ мнѣніемъ (распространяющимся какъ модный покрій платья), передовыми, — въ книгахъ, гдѣ выводы антропологии, а иногда, и философіи Гартмана просвѣчиваютъ весьма часто.

Такъ, въ брошюрѣ моей: „*Nosce te ipsum*“, я замѣчалъ, что бѣльшая часть людей (интеллигентнаго слоя) принимаетъ убѣжденіе въ механическомъ строѣ міра на *втру* въ авторитетъ знаменитыхъ ученыхъ... „Не громкія ли имена ученыхъ“, — говорилъ я: — „не третированіе ли, — совершенно добро-

совѣстно, быть можетъ, но необдуманно,—литературой, и даже самой легкой изъ ея отраслей, при случаѣ, вопроса о механизмѣ, какъ дѣла уже рѣшеннаго; не третированіе ли такимъ же образомъ вопроса, иногда, и школьной наукой; не легкомысленные ли разговоры, не неосторожные ли отзывы наши по этому предмету при дѣтяхъ даже,—не все ли это, а не что-либо другое и болѣе серьезное, приучаетъ людей къ убѣжденію — видѣть въ человѣкѣ, разсматривасмомъ во всей его цѣлости, одно изъ мелкихъ звеньевъ естественной механической цѣпи?“...

Пагубная страсть *казаться* есть результатъ нераціональнымъ путемъ шествующей цивилизаціи. Надо, — видите ли вы, — интеллигенту, непременно *казаться* стоящимъ на уровнѣ съ людьми принявшими послѣдніе выводы науки. Постоянная же забота *казаться* дѣлаетъ тѣ, что мнѣнія, въ которыхъ желали рядиться изъ моды, становятся уже обыкновенною одеждой, хотя одежда эта, порою, оказывается и очень неспокойною.

Не на знаніе ополчаюсь я,—какъ могутъ, пожалуй, подумать нѣкоторые люди, не вникнувъ внимательно въ смыслъ, какъ настоящаго моего труда, такъ и прежнихъ разысканій, вошедшихъ въ книги мои „Разыскатели истины“, „Пути къ рациональному міровоззрѣнію“, и въ брошюру, мою же, „*Nosce te ipsam*“,—не на науку нападаю я, а нападаю на *направленіе* современной науки, на незаботливое отношеніе къ результатамъ того, что она провозглашаетъ своимъ точнымъ завоеваніемъ.

Для блага людей, моихъ братьевъ, для Кузмы, для Франсуа, для Фридриха, для Джемса, для Анкаса, а не для безличной отвлеченности „человѣчество“ (ибр, пора озаботиться о *человѣкѣ* такимъ образомъ, какимъ озабочивался о немъ Христось, озаботиться объ отдѣльномъ *человѣкѣ*, о лицѣ), я желаю, чтобы на знамени объединяющей науки,—на которое должны быть устремлены взоры всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ знаній,—были начертаны не слова резюмирующія громкую, въ руку *человѣческой* распущенности бьющую гипотезу „*Борьба за существованіе*“, а другія слова, выражающія истинную цѣль знанія, условіе благополучія *человѣка* на

землѣ, и гарантію нескончаемой пребываемости чело-
вѣческаго духа въ общей вселенной: „Борьба, въ
напряженіяхъ и на дѣль, съ борьбою за существо-
ваніе, или—самосовершенствованіе“.



V.

О всемъ, что вліяетъ на умственное и душевное настроеніе людей, умѣстно говорить въ настоящемъ трудѣ моемъ, цѣль котораго ясно высказана, въ немъ, выше сего.

Поэтому, я надѣюсь, что читатель не найдетъ страннымъ, что я поведу, ниже сего, рѣчь о вопросахъ вѣчно и неотступно встающихъ на всѣхъ путяхъ мысли, стремящейся къ истинному знанію.

Въ книгѣ г. Эрнеста Навиля „*Логика гипотезы*“, — переводъ которой, сдѣланный мною, я печатаю нынѣ, — читатель прочтетъ мнѣнія, касательно упоминаемыхъ вопросовъ, двухъ знаменитыхъ ученыхъ нашего вѣка, обладавшихъ, неоспоримо, гениемъ.

Ученые эти: математикъ и физикъ *Амперъ* (Ampère) *), и физикъ *Френель* (Fresnel) **).

*) Амперъ (André Marie Ampère): профессоръ математики и физики во Франціи, генеральный инспекторъ университета, членъ Академіи (Института); родился въ Полемьё (Polemieux), близъ Ліона, въ 1775 г.; скончался въ 1830 году.

***) *Френель* (Jean Augustin Fresnel) род. въ 1788 году;

„*Амперъ* полагалъ, что существованіе души и существованіе Бога суть вопросы поддающіеся научному доказательству столь же несомнѣнному, сколь несомнѣнно доказательство высокихъ вопросовъ астрономіи. *Френель* надѣялся поднять эти утвержденія на такую высокую степень рачіональной очевидности, что они будутъ стоять, наконецъ, внѣ всякаго оспориванія“ *).

Мнѣнія, выраженныя знаменитыми учеными, и, къ тому же, *физиками*, весьма натурально заставили меня не мало думать. Для человѣка, отдавашагося дѣлу разыскиванія путей къ рачіональному міровоззрѣнію, мнѣнія ученыхъ такой отрасли знанія не могли не оказаться стимуломъ къ усиленной и непрерывной работѣ мысли.

Уже и прежде, въ моихъ книгахъ, я приступалъ къ упоминаемымъ вопросамъ, и старался уяснить путь къ научному разысканію того, что чувствовалось истиннымъ. Въ книгѣ моей „Пути къ рачіональному міровоззрѣнію“, я вступилъ на рачіональную дорогу. Въ брошюрѣ моей „*Nosce te ipsum*“, я продолжалъ, на этой дорогѣ, мои изслѣдованія, и указалъ на выводы.

сконч. въ 1827 г. Извѣстенъ, главнымъ образомъ, своею теоріею *свѣта*.

*) Смотри. «*Логика гипотезъ*» Эрнеста Навиля, переводъ Ипполита Панаева, стр. 107.

Здѣсь, я даю результатъ моихъ новыхъ размышленій, которыя велись въ прямой связи съ тѣмъ, что мною уже было изложено въ упоминаемыхъ книгахъ.

Изъ результатовъ моихъ упорныхъ умственныхъ усилій оказывается, что надежды Ампера и Френеля не неосуществимы. Смѣю думать, что разъясненія мои даютъ элементы (кажущіеся мнѣ вполне рациональными) для постановки утверженій о „существованіи Бога и души“ внѣ оспориванія,—если не считать — реальнымъ существованіемъ—только то, что мы ощупываемъ своими собственными руками. Для тѣхъ серьезно мыслящихъ людей, которые не станутъ утверждать, что—только лишь осязаемое собственными руками—имѣетъ реальное существованіе, доводы мои,—опять осмѣливаюсь думать,—должны казаться вполне рациональными и научными.

1.

Въ брошюрѣ моей „Nosce te ipsum“, на страницахъ 27 и 28, я писалъ:

„Въ концѣ 1 Отдѣла второй части моей книги „Пути къ рациональному міровоззрѣнію“, я говорилъ, что весьма важно разобрать значеніе глагола „*быть*“, и анализировать это слово самымъ тщательнымъ образомъ. Далѣе, разбирая значеніе этого слова и

восходя отъ положенія къ положенію, я пришелъ къ заключенію, что *бытіе* вообще не можетъ быть безъ противостоящаго ему сознанія, что сознаніе есть не способность, а условіе всякаго бытія, и къ выраженію этой мысли въ формѣ вопроса:

„Могло ли что-либо быть изъ того, что было, есть или произошло, если бы, вначалѣ, не было бы сознанія, не было бы Слова? *).

„Положеніе это вышло, само собою, изъ аргументаціи, отправившейся отъ желанія разобрать слово „*быть*“, а не въ виду мнѣнія предвзятаго, принятаго уже предварительно.

„Тѣмъ не менѣе, оказывается, что положеніе это весьма близко подходитъ къ стихамъ 1, 2, 3, Главы 1, Евангелія Святого Іоанна **).

„Всякій, кто упорнѣе и глубже станетъ вдумываться въ смыслъ или значеніе глагола „*быть*“, несомнѣнно придетъ къ вышеприведенному положенію, то-есть къ тому заключенію, что нелѣпо мыслить—*бытіемъ*—какое-либо состояніе міра, въ которомъ совершенно отсутствовало бы сознаніе. Само уже употребленіе глагола „*быть*“, въ какомъ бы то ни было его видѣ, само уже оно, влечетъ за собою признаніе термина противостоящаго утверждаемому

*) Смотри. «Пути къ раціональному міровоззрѣнію», Часть II, стр. отъ 124 до 137.

**) Равно какъ и къ *стихамъ* 4 и 5.

бытію, а именно, признаніе — сознанія. Тѣ, что мы называемъ *бытіемъ*, есть необходимо *опредѣленное*. *Опредѣляетъ* сознаніе, и, какъ *опредѣляющее*, оно первѣе бытія. Сознаніе, это — первое. Не бытіе опредѣляетъ сознаніе, а сознаніе опредѣляетъ бытіе.

„Не обязываетъ ли это людей мыслящихъ и ученыхъ обратить вниманіе на тѣ, что должно встать въ основу точекъ отправленія для всякихъ разысканій,—не только въ области философскаго мышленія, но и въ области положительныхъ наукъ“.

Вотъ, что было помѣщено, въ брошюрѣ моей „Nosce te ipsum“, въ развитіе идеи, которую я началъ проводить въ книгѣ моей „Пути къ рациональному міровоззрѣнію“.

Стимулируемый мнѣніями Ампера и Френеля, помѣщая здѣсь продолженіе моей аргументаціи въ развитіе идеи, высказанной мною ясно, впервые, въ послѣдней изъ вышеупоминаемыхъ моихъ книгъ.

2.

Мысль-ощущеніе „*естъ*“, или наружное выраженіе этой мысли-ощущенія словомъ „*естъ*“, означаетъ—непосредственное признаніе и утвержденіе факта жизни въ ея ощущеніяхъ и представленіяхъ. Между мыслями-ощущеніями: „*свѣтло*“, „*темно*“,

„красно“, „тяжело“, „горячо“, и субъектомъ мыслящимъ - ощущающимъ, конечно, уже подразумѣвается утвержденіе, мыслей-ощущеній: „свѣтло“, „темно“, „красно“, „тяжело“, „горячо“, мыслью-ощущеніемъ „есть“. „Есть“ означаетъ *отношеніе* мыслящаго - ощущающаго, представляющаго, сознающаго къ мыслимому - ощущаемому, представляемому, сознаваемому. Поэтому, мыслить - ощущать и говорить „есть“ или „было“ — значить уже предполагать какое-либо сознаніе.

Слѣдовательно, мыслить-говорить „есть“ или „была“, утверждая бытіе чего-либо, или бытіе какого-либо состоянія міра, въ которомъ совершенно отсутствовало бы какое-либо сознаніе, — это — абсурдъ, нелѣпость; ибо, какимъ образомъ можетъ существовать *отношеніе*, когда одного изъ терминовъ или членовъ *отношенія* не имѣется?

Говорить, напримѣръ, про какой-либо „камень“, что онъ *былъ*, когда не существовало никакого сознанія, — это все равно (если не подразумѣвать вѣчнаго присутствія Божьяго сознанія), что признавать то, что самъ *камень* имѣлъ сознаніе своего бытія.

То, что мы называемъ — *нашимъ міромъ*, всѣ отдѣльные элементы міра, изъ которыхъ онъ мною составляется, человекъ, насколько онъ, какъ представленіе, становится, самъ, объектомъ моего я-субъекта сознанія — имѣютъ бытіе *относительное*,

суть относительно меня, какъ субъекта сознанія. Все это *суть* предметы мои, предметы, человѣческаго, во мнѣ, сознанія *).

Если не имѣлось бы моего сознанія, то-есть—человѣческаго сознанія, то не имѣлось бы и міра человѣческаго сознанія, не имѣлось бы бытія существующаго только лишь относительно меня.

Если не имѣлось бы ушей (сенса слуха), то не было бы и міра слуха; если не имѣлось бы сенса осязанія, то не было бы и міра осязанія; если не имѣлось бы глазъ (сенса зрѣнія), то не было бы и міра зрѣнія, и т. д. Если не имѣлось бы всѣхъ пяти сенсовъ и синтезирующаго впечатлѣнія сенсовъ человѣческаго разсудка, то не *было* бы и міра *человѣческихъ* представленій.

Если бы вы проникли въ такое мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ никогда не ступала нога человѣческая, — въ одну, напримѣръ, изъ неоткрытыхъ еще верхнихъ долинокъ Швейцарскихъ Альповъ, — и встрѣтили бы тамъ *ничто невиданное никогда умственнымъ взоромъ*, то, вы, опредѣляя это

*) Но, сознаніе мое, сознаніе опредѣляющее, ставящее предметы? Оно, само это сознаніе, только лишь непосредственно чувствуемое, а не опредѣляемое, не можетъ быть таковымъ предметомъ, Ибо: какимъ образомъ *опредѣляющее*, ставящее предметъ, могло бы сдѣлаться, само для себя, *опредѣляемымъ* и предметомъ? Какъ предметъ познанія, какъ нѣчто опредѣляемое, можетъ оно быть только для высшаго сознанія.

ничто, сообразно вашимъ человѣческимъ познавательнымъ средствамъ, давали бы ему, нѣкоторымъ образомъ, рожденіе — какъ предмету вашего міра представленій, и проявили бы, въ этомъ мірѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, свою творческую силу, творческую силу сознанія. До васъ, это *ничто*, такъ-сказать не *было* для міра представленій, не существовало для него.

Мнѣ, конечно, могутъ возразить:

„Да; человѣкъ опредѣлилъ это *ничто*: это правда. Но, до него, до встрѣчи съ человѣкомъ, оно было же, все-таки, — было какимъ-нибудь образомъ?.. Можете ли вы отвѣтить — *чѣмъ* это *ничто*, тогда, было“?

Я отвѣтилъ бы:

— Да: было; но, для того, чтобы сказать „*какимъ образомъ*“, надо предполагать какое-либо сознаніе. Все, что можно сказать, это то, что оно, это *ничто*, было тѣмъ, чѣмъ ему надлежало быть — для того, чтобы быть воспринятымъ человѣкомъ таковымъ, каковымъ его воспринялъ человѣкъ.

И я полагаю, что никто не могъ бы отвѣтить что-либо другое.

3.

Мы будемъ говорить о мірѣ, какъ объектѣ нашего человѣческаго познанія.

Ничто намъ неизвѣстное, — неизвѣстное въ томъ, какъ оно есть *въ себя* (en soi), — становится предъ нами (предъ *моимъ - я*) — облеченнымъ въ формы нашихъ человѣческихъ чувствъ (сенсовъ) и разсудка, составляя, для насъ, наши человѣческія представленія. Представленія эти, окруженными которыми мы оказываемся со вступленіемъ въ жизнь, мы стараемся соединить въ стройное цѣлое по правиламъ или законамъ своего ума, побуждаемые естественною потребностью встать въ гармоническое отношеніе съ представляющеюся средою, — безъ установленія какового отношенія мы не могли бы ориентироваться въ многообразіи представляющагося, и овладѣвать условіями необходимыми для поддержанія физической и духовной жизни и дѣятельности. Это, болѣе или менѣе стройное цѣлое, выходящее, для насъ, изъ связанныхъ, спеціально человѣческою логическою связью, представленій, со включеніемъ, въ общій ансамбль, самого себя и другихъ людей (насколько я и другіе люди суть представленія мыслящаго и познающаго *моего - я*), — есть нашъ міръ, какъ объектъ познанія.

Говоря о мірѣ, *разсуждаетъ человекъ*. Онъ ищетъ

установить свои отношенія къ природѣ, къ другимъ людямъ и къ Богу.

Весьма натурально поднимается въ немъ (въ человѣкѣ) вопросъ:

„Что было бы съ міромъ (міромъ его сознанія), если бы въ этомъ мірѣ не имѣлось человѣка, если бы въ мірѣ не имѣлось человѣческаго сознанія?“

Задать такой вопросъ, — значитъ, — въ правѣ и я. И я обращаюсь, съ нимъ, къ мыслящимъ моимъ собратьямъ, къ *людямъ*, предъ умственными очами которыхъ стоитъ тотъ же самый міръ, какой стоитъ и предъ моими умственными очами:

„Что было бы съ нашимъ человѣческимъ міромъ, съ тѣмъ міромъ, который представляется человѣку, или каковъ былъ бы міръ, если, въ немъ, не имѣлось бы вовсе человѣка, если не имѣлось бы человѣческаго сознанія?“

На этотъ вопросъ, всѣ мыслящіе люди, конечно, безъ колебанія, отвѣтили бы:

„Міръ былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ представляется намъ теперь, только — безъ тѣхъ видоизмѣненій или модификацій, которыя были произведены усиліями человѣческой дѣятельности.“

И отвѣчающіе были бы въ правѣ дать такой отвѣтъ.

Громадное большинство отвѣтившихъ, — всякаго рода проявленія своей жизни, свои дѣйствія и

мысли, бессознательно, связываетъ съ инстинктивнымъ и непосредственнымъ чувствомъ Бога; ибо, имъ, этимъ людямъ, обращающимся въ гармонической средѣ, пользующимся, во всякаго рода дѣятельности, цѣлесообразнымъ ея устройствомъ, чувствующимъ свободу свою ограничиваемою повелѣніемъ нсизвѣстно откуда исходящимъ,—и не можетъ придти мысль, что что-либо могло существовать безъ Бога.

Нѣкоторые же отвѣтили бы, такимъ же образомъ, сознательно, потому что не могли бы мыслить иначе, соображая, научно, чудную гармонію, существующую между познающимъ и познаваемымъ, между представляющимъ и представляемымъ *).

Но, когда отвѣчаютъ такимъ образомъ, на мой вопросъ, мыслящіе люди, отрицающіе Всеустроителя, и претендующіе объяснять міръ (мірозданіе въ цѣломъ), при отсутствіи Бога, слѣпыми силами при-

*) Разнообразныя, отдѣльныя представленія наши, равно какъ разнообразныя представленія отношеній ихъ между собою и со мною (съ человѣкомъ, насколько онъ есть представленіе) являются, познающему человѣку (субъекту), облеченными въ формы его собственныхъ сенсовъ и разсудка, который постоянно стремится,—слѣдующими, одни за другими, и все болѣе и болѣе совершенствующимися синтезами,—построить, изъ упоминаемыхъ представленій, стройное зданіе, наиболѣе удобное для самосохраненія и для самоудовлетворенія человѣка.—Это чувственно-разсудочное зданіе сознанія представляется, человѣку, совмѣщающимся, во всѣхъ чертахъ, съ тѣмъ, что онъ привыкъ называть вѣдшимъ, объективнымъ міромъ.

роды, отправляющимися отъ совершенно безъосновательной аксіомы *произвольнаго зарожденія*, и дѣйствующими по закону (не смотря на то, что они слѣпы) естественной причинности,—то отвѣчающіе впадаютъ въ странное противорѣчіе, потому что, такимъ отвѣтомъ, разрушаютъ все зданіе своей науки.

Что отвѣчаютъ они на мой вопросъ? Они отвѣчаютъ:

(а) „*Міръ былъ бы тѣмъ, чѣмъ представляется намъ теперь,*“ и прибавятъ, что (б) „*онъ и дѣйствительно былъ (при отсутствіи Бога и человѣка), въ прошедшемъ, тѣмъ, чѣмъ представляется намъ теперь.*“

(а) „*Міръ былъ бы тѣмъ, чѣмъ представляется намъ теперь.*“

На это я отвѣчу слѣдующимъ вопросомъ:

— Какимъ образомъ, міръ, при совершенномъ отсутствіи человѣческаго сознанія, былъ бы *тѣмъ*, чѣмъ представляется человѣку нынѣ, когда *то*, чѣмъ міръ представляется, получаетъ бытіе (опредѣленіе) только при присутствіи человѣческаго сознанія?

(б) „*Онъ, міръ, и дѣйствительно былъ (при отсутствіи Бога и человѣка), въ прошедшемъ, тѣмъ, чѣмъ представляется намъ теперь.*“

Они говорятъ: „*былъ, міръ, тѣмъ, чѣмъ пред-*

ставляется теперь,“ то-есть былъ: съ тѣмъ звѣзднымъ небомъ, которое человѣкъ видитъ теперь, съ тѣмъ восходомъ и заходомъ свѣтилъ, съ тѣми днемъ и ночью, съ тѣми континентами и морями (какъ континентами и морями вообще), съ тѣми горами, рѣками, лѣсами и лугами, съ тѣми камнями, съ тѣми деревьями, съ тѣми: зеленымъ, краснымъ, твердымъ, мягкимъ, тяжелымъ, холоднымъ, теплымъ, соленымъ, сладкимъ, горькимъ, и т. п.

Но, если наше сознаніе, сознаніе настоящаго человѣка, говоритъ, про прошедшій міръ, что онъ *во всемъ вышеупоминаемомъ* былъ, то *все вышеупоминаемое* (то-есть: звѣздное небо, восходъ и заходъ свѣтилъ, день и ночь, континенты и моря, горы, рѣки, лѣса, луга, камни, деревья, зеленое, красное, твердое, мягкое, тяжелое, холодное, теплое, соленое, сладкое, горькое, и т. п.—такъ, какъ все это человѣку представляется) требуетъ присутствія, — въ ту эпоху, о коей идетъ рѣчь, — сознанія, которое говорило бы, въ настоящіе, для этого сознанія, моменты эпохи, что міръ его, *во всемъ вышеупоминаемомъ, есть*. Ибо, какимъ образомъ, иначе, онъ (міръ), въ настоящее время той эпохи, могъ *быть*? Вѣдь *все вышеупоминаемое*—есть элементы сознанія человѣка,—элементы, принадлежащіе *этому сознанию*, а не сознанію рыбы, птицы, и не сознанію хотя бы и человѣкообразной обезьяны.

Какимъ образомъ, при отсутствіи человѣческаго сознанія, могло быть то, что получаетъ бытіе (опредѣленіе) только при присутствіи человѣческаго сознанія?

Для того, чтобы міръ, въ прошедшемъ, былъ тѣмъ, чѣмъ онъ, при присутствіи человѣческаго сознанія, представляется намъ, нынѣ, объ немъ толкующимъ,—надлежитъ, чтобы, при отсутствіи человѣческаго сознанія въ эпоху, о которой говорится, онъ былъ опредѣленъ, или такъ-сказать построенъ, созданъ, какимъ-либо сознаніемъ однороднымъ съ нашимъ человѣческимъ сознаніемъ, таковымъ, каковымъ, для упоминаемой прошедшей эпохи, онъ представляется намъ теперь.

Надлежитъ, чтобы то, чему я даю бытіе (опредѣленіе) въ прошедшемъ, было, при отсутствіи человѣческаго сознанія въ этомъ прошедшемъ, о которомъ я говорю нынѣ, опредѣлено, какимъ-либо сознаніемъ, таковымъ, каковымъ оно мнѣ представляется и каковымъ я его строю нынѣ; то есть—надлежитъ, чтобы оно, такъ-сказать, стояло, въ прошедшемъ, построеннымъ, созданнымъ сообразно или соотвѣтственно тому плану, который я, касательно его, составляю, нынѣ, силою моего человѣческаго сознанія тогда не существовавшего.

Я говорю о бытіи такимъ или такимъ образомъ опредѣленнымъ; потому что о бытіи безформенномъ,

о бытіи, которое показывается намъ лишь облеченнымъ формами нашего сознанія, объ этой основѣ, объ этомъ субстратѣ объективнаго бытія, никогда и ничего не сможетъ сказать человѣческая мысль, человѣческое знаніе. Мы могли бы, развѣ, только сказать, что міръ *въ себѣ* (*monde en soi*) есть то, чѣмъ ему надлежитъ быть, для того, чтобы быть воспринятымъ: *человѣкомъ*,—таковымъ, каковымъ его воспринимаетъ человѣкъ; *птицей*,—таковымъ, каковымъ его воспринимаетъ птица; *рыбой*,—таковымъ, каковымъ его воспринимаетъ рыба, и т. д.

Кромѣ того, я спросилъ бы васъ, господа отвѣтившіе мнѣ такъ рѣшительно и съ такою легкостью, я спросилъ бы васъ: „Сколько времени продолжалась та или другая эпоха вашего міра, когда въ немъ не было еще никакого сознанія?“

Вы затруднились бы, конечно, отвѣчать мнѣ касательно продолжительности такого времени; но, пришло ли бы вамъ въ голову, что отвѣчать на вопросъ такъ же невозможно, какъ и задавать его.

Ибо: что такое есть время? что такое есть продолженіе времени (*la durée*)?

По моему, для самочувствующаго существа, время есть мѣра и форма пассивнаго состоянія жизни *). Моментъ времени есть сознаніе опредѣ-

*) Смот. „*Пути къ рациональному міровоззрѣнію*“, часть II, стр. 141, 142.

леннаго единичнаго ощущенія, опредѣленной единичной мысли - ощущенія. Продолженіе времени есть непрерывный рядъ фактовъ сознанія. Если сознанія не имѣется, то не имѣется какъ фактовъ его, такъ и ихъ ряда, а стало быть—не имѣется и того, что мы называемъ „временемъ.“

Слѣдовательно, отрицающій Бога, отрицающій сознаніе Божіе долженъ придти къ заключенію, что не существовало эпохи, для его человѣческаго міра, въ которой отсутствовало бы сознаніе человѣческое, въ которой отсутствовалъ бы человѣкъ. Отрицающій долженъ признать, что человѣкъ такъ же старъ, какъ—міръ, что человѣкъ произошелъ *сразу* (tout d'abord), вмѣстѣ съ міромъ. Признавъ это, мыслитель, отрицающій Бога и Его сознаніе, долженъ разрушить или ниспровергнуть всю науку провозглашающую, что человѣкъ появился въ мірѣ, какъ *позднѣйшая* степень развитія органическихъ существъ.

Если же онъ (такой мыслитель) хочетъ оставаться при выводахъ своей науки, то-есть при утвержденіи—что была эпоха міра, когда не существовало еще человѣческаго сознанія, то онъ необходимо долженъ признать сознаніе высшее, и мыслить, что оно ставитъ бытіе для всякаго сознанія, ставитъ и само сознаніе, и есть Сознаніе и Бытіе всѣхъ сознаній и бытій, Сознаніе абсолютное.

Мы же не отрицаемъ науку—плодъ правозаконнаго движенія мысли въ преслѣдованіи ею истины; но, существованіе Бога, непосредственно воспринимаемое сенсомъ нравственной отвѣтственности, считаемъ истиной гораздо прочнѣе установленной, чѣмъ, на примѣръ, та истина, въ которой никто, и даже самый ученый изъ ученѣйшихъ не сомнѣвается,— истина того: что цвѣтъ обыкновеннаго древеснаго листа, воспринимаемый сенсомъ зрѣнія, — зеленый; что лучъ солнца, воспринимаемый сенсомъ осязанія, — грѣетъ. Но, независимо отъ непосредственнаго чувства, и рефлексія, рационально направленная, открываетъ намъ необходимость, для объясненія какого бы то ни было сознанія и какого бы то ни было бытія, вѣчнаго существованія Сознанія Высшаго, Сознанія Божія, какъ источника всѣхъ сознаній и ихъ формъ, — источника и того, что челоувѣческое существо и другія живыя существа облекаютъ, каждое, въ свои познавательныя формы.

По всему вышесказанному, мы признаемъ себя въ правѣ обратиться, къ сторонникамъ всемогущества слѣпыхъ силъ природы, съ слѣдующими словами:

„Если вы отрицаете Сознаніе Божіе, отрицаете

Бога, то тогда,—если хотите быть сколько-нибудь последовательными,—разрушите вашу науку, и начинайте строить новую науку, отправляясь от той аксіомы, что человекъ столь же старъ, какъ и изучаемый міръ, и что онъ (человекъ) произошел сразу (*tout d'abord*) съ міромъ, который вы вознамѣритесь съизнова изучать.

„Замѣчу только, приэтомъ, что аксіома, отъ которой вамъ придется отправляться, будетъ, необходимо, заключать въ себѣ всѣ элементы того, что вы усиливаетесь отрицать.

„Если же вы не хотите ниспровергать вашу науку, то провозгласите *существованіе Бога*, не какъ *постулатъ*, а какъ *научную истину* (потому что наука, безъ этой истины, невозможна), и продолжайте начатія вами разысканія; но, признайте характеръ ихъ священнымъ (чего и требовалъ Кантъ), и не касайтесь, съ претензіями на научное объясненіе естественнымъ путемъ, того, что не принадлежитъ къ области естественнаго, а стало быть, и къ области вашего знанія“.

Рационаленъ тотъ мыслитель, который, съ полнымъ правомъ, можетъ поставить, девизомъ всѣхъ своихъ научныхъ трудовъ, изреченіе „*Distinguo*“, и который не забываетъ, что, хотя ничего непосредственно имъ чувствуемаго и мыслимаго онъ не сможетъ сдѣлать предметомъ естественной или опыт-

ной науки, непосредственно имъ чувствуемое или мыслимое, тѣмъ не менѣе, не можетъ, все-таки, не существовать.

VI.

Но, самъ я? Не могу ли и я заслужить упрекъ за произвольныя построения? Не думаю. Если бы таковой упрекъ былъ сдѣланъ, то онъ оказался бы совершенно несправедливымъ. Я не строю, не сочиняю, а разъясняю. При разъясненіяхъ своихъ, я не мало думаю, и стараюсь не упускать изъ вида необходимое правило „различать“.

Не скажутъ ли, также,—прочитавъ мою книгу,— что я слишкомъ смѣло вторгаюсь въ ту область, которая, мнѣ, можетъ быть, мало знакома. Если бы это было сказано, то я отвѣтилъ бы слѣдующее:

Фактовъ, полученныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, я не касаюсь. Но, изъ фактовъ,—добыты ли они исторією, добыты ли они естественными науками,—дѣлаются выводы и заключенія, строятся теоріи, касающіяся универсальныхъ вопросовъ. Степень логичности дѣлаемыхъ выведеній и заключеній компетентенъ разбирать всякій пріучившій себя мыслить серьезно человекъ. Слѣдовательно, и я

имѣю право позволять себѣ разборъ степени логичности таковыхъ выведеній и заключеній,—что я и дѣлаю.

Въ своихъ книгахъ, я выставилъ, между другими положеніями, слѣдующія капитальныя мои положенія, которыя и поддерживалъ насколько могъ:

1) Сознаніе есть не способность, а *условіе всякаго бытія*.

2) Нелѣпо мыслить — *бытіемъ*—какое-либо состояніе міра, въ которомъ отсутствовало бы совершенно сознаніе.

3) Нелѣпо, стало быть, не мыслить Сознанія Божія, Сознанія абсолютнаго, началомъ всякаго сознанія и бытія.

4) Тотъ міръ, который мы познаемъ, и имѣемъ притязаніе познавать все точнѣе и точнѣе, есть міръ нашихъ человѣческихъ представленій, отличный отъ міра представленій птицы, отъ міра представленій рыбы, и т. д., а не *міръ въ себѣ* (monde en soi), и не вселенная въ ея цѣломъ.

5) Человѣка, насколько онъ есть представленіе мыслящаго субъекта, разбирать и познавать мы можемъ. Но, самого мыслящаго субъекта, человѣка какъ таковаго субъекта, объектомъ познанія дѣлать не можемъ.

6) Сенсъ нравственной отвѣтственности столь же реаленъ, какъ и сенсы зрѣнія, слуха, осязанія, обонанія и вкуса, и свидѣтельство этого сенса

(сенса нравственной отвѣтственности),—если вполнѣ внимательно разбираться движенія онаго, — никогда не вводитъ въ заблужденіе.

7) Человѣкъ, какъ объектъ познанія, можетъ быть опредѣляемъ предшествующими причинами, внѣшними относительно его я условіями; но, какъ субъектъ познанія и непосредственнаго чувства, онъ опредѣляетъ себя самъ.

8) Ставя себѣ идеаль человѣческаго благополучія, и по этому идеалу направляя свою дѣятельность, мыслящій рационально человѣкъ не долженъ никогда забывать, что благополучіе это должно быть такого рода, чтобы *возможностью* достиженія онаго не могъ быть обойденъ ни одинъ человѣкъ—принадлежитъ ли онъ прошедшему, настоящему или будущему.

9) Кантъ, послѣ долгихъ и непрерывныхъ думъ, сказалъ, что цѣлью міроваго процесса надлежитъ мыслить: *нравственное совершенствованіе*.

Другой цѣли міроваго процесса, которая была бы рациональнѣе, человѣкъ не сможетъ никогда сообразить.

Но, такъ какъ стремленіе человѣка къ самоудовлетворенію, а стало быть, и къ самосовершенствованію, нескончаемо, то, поэтому, и является необходимость, для объясненія *нескончаемости* самаго естественнѣйшаго изъ стремленій, мыслить предѣлы земного существованія—*переступаемыми*.

10) Отъ ученыхъ, то-есть отъ *направленія*, которое они даютъ движенію знанія, зависитъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, состояніе или настроеніе умовъ въ человѣческихъ обществахъ.

11) Если результаты знанія приводятъ человѣка къ пессимистическому воззрѣнію на міръ, то это есть признакъ, что знаніе идетъ нерациональнымъ путемъ.

Всякій добросовѣстный и благорасположенный читатель, котораго я прошу обратить вниманіе на эти разъясняемыя и поддерживаемыя мною положенія, конечно, согласится, что они касаются вопросовъ, которые, во всѣ времена, были существеннѣйшими вопросами для человѣка, и что ихъ далеко нельзя считать чуждыми умственныхъ нуждъ нашей эпохи. Проведеніе этихъ положеній въ практику науки и въ практику жизни можетъ оказать не малую долю содѣйствія для рациональной постановки какъ той, такъ и другой, и для восстановленія равновѣсія въ умахъ распатанныхъ горделивымъ и необдуманномъ притязаніемъ достигать объясненія всего естественнымъ образомъ, и давать, по универсальнымъ вопросамъ, отъ имени естественной науки, рѣшенія, изъ которыхъ многіе, на взглядъ рациональной критики, оказываются далеко не научными.

VII.

Теперь, какъ и прежде, пишу я въ надеждѣ, что положенія мои,—касающіяся вопросовъ, которые всегда были самыми неотмѣнимыми и такъ-сказать кровными вопросами для человѣка,—или получаютъ, въ печати, подтвержденія отъ другихъ, или вызовутъ возраженія. Подтвержденія другихъ, вниманіе къ этимъ положеніямъ усилили бы ихъ авторитетъ въ глазахъ читающихъ; возраженія же вызвали бы полемику, изъ коей, общими усиліями, скорѣе бы выдѣлялась истина,—все равно оказалась ли бы она согласною съ моими положеніями, или согласною съ опроверженіями моихъ оппонентовъ.

Но, тщетно, я, съ своими книгами, ожидаю наступленія этой полемики. Въ нѣкоторыхъ журналахъ скажутъ, правда, нѣчто о содержаніи книгъ, но о положеніяхъ, въ нихъ проводимыхъ, никто не начинаетъ и рѣчи.

Между тѣмъ, дѣло идетъ о рациональной выработкѣ отношеній человѣка къ самому себѣ, къ дру-

гимъ людямъ, къ природѣ, и къ Богу,—о томъ, что должно составлять общую цѣль всѣхъ наукъ. Вопросъ, кажется, стоитъ труда, и есть о чемъ поговорить людямъ, любящимъ человѣка, и стремящимся къ его облагороживанію. Равнодушіе къ общей истинѣ не можетъ не огорчать и не пугать даже и за ближайшее будущее.

Рѣзко обозначающіяся матеріалистическія тенденціи въ научномъ движеніи нашего времени вредятъ правильному ходу знанія, и ведутъ людей, конечно, не къ свѣту, а къ тьмѣ. Свидѣтельствуетъ объ этомъ устойчивое состояніе нравственной неурядицы, которая, при рациональномъ ходѣ науки, долженствовала бы не идти періодически—то убывая, то прибывая,—какъ мы это видимъ въ исторіи прошедшаго и настоящаго,—а, съ теченіемъ времени, постоянно и прогрессивно уменьшаться.

Въ преслѣдованіи истиннаго знанія, отъ котораго ожидается пріобрѣтеніе условій возможнаго благополучія на землѣ, нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все ползать, по землѣ, за ползающими, роющимися и скачущими. Для того, чтобы открыть какой-либо смыслъ въ землѣ, необходимо человѣку поднимать свой умственный взоръ и вверхъ, къ небу. Среда, въ которую призванъ человѣкъ, какъ хозяинъ,—это—не одна земля, а синтезъ неба и земли. Исключительно лишь роясь въ землѣ, человѣкъ и самъ, на-

конецъ, можетъ сдѣлаться ползающимъ, скачущимъ и роющимъ только, и произвести на ней не малую сумятицу, такъ какъ, работая въ *чужой средѣ*, онъ не сможетъ никогда въ ней хорошо разобраться. Тогда, какой-нибудь грядущій ученый, пожалуй, надумаетъ, на основаніи констатированныхъ фактовъ, другую теорію преобразованія или перерожденія видовъ: Перерожденіе *высшихъ* видовъ въ *низшіе!*

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе человѣкъ углубляется въ познаніе самого себя, чѣмъ болѣе, познавая, пріучается уважать въ себѣ открывающагося *человѣка*, тѣмъ выше поднимается онъ отъ своей обыденной ступени мышленія. и тѣмъ шире становится его кругозоръ. Тогда, вопросы, касающіеся значенія человѣка, открываются для него, неизбѣжно, со многихъ новыхъ сторонъ. Но, для того, чтобы подняться, въ сознаніи, на ступень болѣе высокую, равно какъ и для того, чтобы разсматривать съ нея новыя стороны вопросовъ, требуются отъ мысли: настойчивость, терпѣніе, трудъ...

Предпочитаютъ оставаться на общезанятой ступени, — благо, для болѣе или менѣе правильнаго объясненія усматриваемаго съ оной, уже выработаны приемы и приспособлены орудія. Укоренившійся, къ сожалѣнію, въ наше время, научный предразсудокъ объ исключительной, будто бы, пользѣ нагляднаго обученія, или злоупотребленіе такимъ

обученіемъ, приучаетъ людей, съ дѣтства, къ затребованію на все шаблона, и отучаетъ отъ самостоятельнаго труда мысли.

„Абстракціи, отвлеченія“, — говоритъ иной передовой интеллигентъ, — „это напрасная трата времени, ни къ чему не приводящая“. А между тѣмъ, какимъ жалкимъ и болѣзненно вопрошающимъ является, порою, тотъ же самый интеллигентъ въ минуты бѣдствій или приближающейся смерти. Какъ счастливъ былъ бы онъ, въ минуту бѣдствій, услышать, отъ другого передового человѣка, примиряющее слово, почерпнутое въ тѣхъ элементахъ, которые, необходимо, должны войти въ составъ истинной науки.

Лѣтъ пять назадъ, одинъ изъ моихъ старыхъ товарищей издалъ, оставшуюся послѣ смерти брата его Алексѣя Петровича Кусакова, рукопись, книгою озаглавленную „*Основы рациональной физики*“. Книга эта, — плодъ упорныхъ мысленій, не покидавшихъ автора, въ теченіи всей его жизни, среди самой разнообразной дѣятельности, — прошла, какъ кажется, въ научномъ мірѣ не замѣченной, — что и было предсказано однимъ изъ нашихъ академиковъ (товарищемъ по университету покойнаго автора, и тоже уже скончавшимся), выразившимъ издателю, что книга не привлечетъ на себя вниманіе, такъ какъ, нынѣ, громадное большинство ученыхъ — *эмпирики*.

Упоминаемый А. П. Кусаковъ, — человекъ, при замѣчательной скромности, рѣдкаго ума и рѣдкихъ нравственныхъ достоинствъ, и котораго я имѣлъ честь лично и близко знать, — посвятилъ свою книгу „Истинъ“, въ слѣдующихъ словахъ:

„Посвящается Истинѣ въ совершенномъ уваженіи, что все истинное въ моихъ словахъ защитить сама Истина, а ложное она же и опровергнетъ“.

Такъ думаю и я.

Въ заключеніе прибавлю, что, чѣмъ болѣе наблюдаю, тѣмъ болѣе боюсь признать вполнѣ справедливымъ замѣчаніе І. Г. Фихте, который, указывая на ненависть, почти общую, ко всякой серьезной полемикѣ, сказалъ — что ненависть эта происходитъ отъ безсилія или *схватить*, или *перенести*, или *защитить* истину.



ОПЕЧАТКИ.

<i>Страницы:</i>	<i>Строки:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
26	7—8 сн.	преслѣлююціе	преслѣдуюціе
28	10 сн.	того, что	того, что
64	3 сн.	, о пользѣ	о пользѣ
78	11 сн.	развивающемсяя	развивающемсяя
90	5 сн.	впервые узналъ	впервые, узналъ
104	24 сн.	человѣка,	человѣка
105	3 сн.	структурой,	структурой
114	4 сн.	преступленному	преступному
145	11 сн.	такъ какъ	такъ, какъ

Princeton University Library



32101 045752589